

У КАРТЫ ТИХОГО ОКЕАНА

Информационно-аналитический бюллетень №31 (229)

Внешнеполитический курс нового
руководства стран Северной Пацифики:
вызовы и шансы для России

Отдел изучения международных отношений
и проблем безопасности
ИИАЭ ДВО РАН

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока продолжает выпуск информационно-аналитического бюллетеня «У карты Тихого океана». Бюллетень издавался с 1974 по 1991 гг.

Цель издания: научно-информационное обеспечение мероприятий правительства РФ и региональных властей Дальнего Востока по интеграции России в АТР.

Структура, периодичность выхода и содержание бюллетеня будут меняться в зависимости от насыщенности, значимости и ориентации текущих событий в регионе.

Главными принципами подбора и публикации материалов в бюллетене являются:

- оперативность в освещении событий;
- достоверность информации;
- ориентация не на описание прошедших событий, а на оценку, их влияние на будущее и прогноз развития ситуации;
- практическая значимость.

Бюллетень распространяется по подписке в бумажном и электронном вариантах.

С электронной версией издания можно ознакомиться на сайте <http://www.ihafe.org>

При использовании материалов бюллетеня ссылка на него обязательна

ISSN 2304-4586 (Print)

ISSN 2304-4632 (Online)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В.Л. Ларин (главный редактор), А.П. Герасименко, В.В. Кожевников, С.К. Песцов, И.А. Толстокулаков, С.А. Иванов (ответственный секретарь)

Содержание

Предисловие	2
<i>В.Е. Болдырев.</i> Политика США в Восточной Азии и на Тихом океане после переизбрания Б. Обамы.....	3
<i>С.А. Иванов.</i> Новое руководство Китая – новая внешняя политика?.....	9
<i>И.В. Мозговой.</i> Первые итоги смены правящей партии и задачи нового Кабинета министров.....	15
<i>Б.М. Афонин.</i> Япония-2013. Итоги парламентских выборов.....	21
<i>И.А. Толстокулаков.</i> Изменения во внешнеполитическом курсе Республики Корея после прихода к власти администрации президента Пак Кын Хе	23
<i>В.Л. Ларин.</i> Новое прочтение тихоокеанской политики России.....	40

Предисловие

За последний год с небольшим произошла смена власти практически во всех странах Северо-Восточной Азии. 29 декабря 2011 г. после скоростной смерти Ким Чен Ира пост высшего руководителя КНДР занял его сын Ким Чен Ын; к маю 2012 г. он сосредоточил в своих руках всю высшую государственную власть. 7 мая 2012 г. пост президента Российской Федерации вновь занял В.В. Путин. В октябре 2012 г. сменилось высшее партийно-политическое, а в марте 2013 г. – административное руководство КНР, в т.ч. глава министерства иностранных дел. В ноябре этого же года на пост президента США был переизбран Б. Обама, при этом он назначил новым госсекретарем (главой внешнеполитического ведомства) Дж. Керри. Во время президентских выборов в Южной Корее 19 декабря 2012 г. власть удержали консерваторы, но впервые в истории Кореи президентское кресло заняла женщина – Пак Кын Хе, дочь Пак Чжон Хи. 26 декабря закончился недолгий период правления в Японии Демократической партии, на пост премьер-министра вернулся лидер Либерально-демократической партии Синдзо Абэ.

Процесс смены власти в этих странах проходил параллельно с обострением обстановки на Ближнем Востоке, сопровождался жесткими проявлениями национализма и борьбы вокруг спорных островных территорий в Восточной Азии, очередным витком проблемы КНДР. Много было сказано резких слов, давались громкие обещания, звучала жесткая критика предшественников во власти и соседей по региону. Но выборная кампания сошла на нет, предвыборная риторика стихла, и пришедшим к власти (или удержавшимся в ней) лидерам государств пришло время заниматься конкретными делами, в т.ч. на поприще международной политики. К сегодняшнему дню основные приоритеты, подходы, принципы деятельности новых и старых лидеров определились, что дает нам возможность кратко проанализировать основные особенности и тренды внешней (прежде всего тихоокеанской) политики нового руководства государств СВА и оценить степень их влияния на Россию в целом и Тихоокеанскую Россию в частности.

Политика США в Восточной Азии и на Тихом океане после переизбрания Б. Обамы

Виталий Евгеньевич Болдырев,
старший лаборант Центра региональной
безопасности Отдела международных от-
ношений и проблем безопасности ИИАЭ
ДВО РАН.

Победа действующего президента США на выборах в условиях роста консервативных настроений в обществе означает, что американская внешняя политика будет преимущественно по отношению к курсу предыдущего четырехлетия, но попадет в зависимость от правых настроений. По-прежнему сохранится необходимость проводить в жизнь экономические программы, разработанные в период кризиса, поэтому продолжится экономическая интеграция со странами АТР, которая, с официальной точки зрения, способствует экономическому восстановлению внутри страны¹. Под влиянием общественных настроений правительство, как и в течение последних четырех лет, воздержится от попыток решения вопросов военными методами на фоне непопулярных войн в Ираке и Афганистане.

Самые существенные изменения в американской жизни произошли в период праймериз и президентских выборов. Их итоги засвидетельствовали не только общее «поправление» электората, но и крен всех групп общества, выделенных по религиозному принципу, в сторону республиканцев², которые чаще обращались к избирателям с выступлениями, окрашенными в мессианские тона. Это свидетельствует о новом росте влияния религии на американскую политику. В связи с этой тенденцией более значимое по сравнению с первым президентством Обамы место займут распространение демократических институтов, защита прав человека, которые будут определяться не только внешнеполитической традицией и влиянием христианских фундаменталистов, но и стремлением исполнительной власти найти компромисс с конгрессом. Показательным примером стало принятие т.н. «акта Магнитского», когда президент, чтобы заручиться поддержкой законодателей по другим вопросам (прежде всего социально-экономическим), пошел на удовлетворение их позиции.

Пока остается неясным, как будут взаимодействовать группы влияния с президентской администрацией и конгрессом. Но, учитывая нынешнюю ситуацию, можно предположить, что на конгресс и Республиканскую партию будут ориен-

---

¹ Trans-Pacific Partnership. Round 2. San-Francisco. June 2010. URL: <http://www.ustr.gov/tpa>; USTR begins TPP Talks in Australia. 03/15/2010. URL: <http://www.ustr.gov/node/4375/205,420,422/0>.

² URL: <http://www.nytimes.com/interactive/2012/11/08/us/politics/>

тироваться сторонники распространения американских ценностей в мире, а на исполнительную власть – технологичный бизнес.

Еще одним важным элементом, определяющим внешнюю политику, являются взаимоотношения президента и членов администрации, от которых зависит стиль управления ею. Для стиля Обамы характерны следующие черты. Члены команды и эксперты подают главе государства меморандумы, в которых содержится информация о проблеме и предлагаются способы ее решения. По необходимости проводятся дополнительные совещания для выяснения позиции и принятия окончательного решения, наиболее жизнеспособного на текущий момент. По мере поступления информации решение корректируется³. Реализация решений, как правило, делегируется ответственным государственным лицам. К их числу относится Дж. Керри, занимающий пост госсекретаря, не первый год связанный с внешнеполитическими вопросами. Более того, он близок по взглядам и положению к Обаме, о чем свидетельствует то, что в предыдущие четыре года он осуществлял контакты с зарубежными лидерами по поручению президента⁴.

В целом складывающаяся в США ситуация должна оказать следующее влияние на внешнюю политику. Экономическая интеграция останется одним из ключевых направлений, усилится агрессивная риторика в ряде вопросов, чтобы в случае необходимости найти поддержку у консервативных групп общества, ключевым методом реализации политики будет дипломатия.

Опыт реализации азиатско-тихоокеанской политики в последние четыре года показал, что ключевыми сферами для Соединенных Штатов являются экономика и безопасность, при этом, говоря словами Х. Клинтон, США сами решали, какие институты в регионе будут определяющими⁵. В первой из названных сфер для Америки приоритетными были определены благоприятные двусторонние торговые соглашения (например, с Южной Кореей, Колумбией) и Транс-тихоокеанское партнерство (ТТП). АТЭС же была отведена роль форума, на котором разрабатываются и частично реализуются принципы интеграционной политики⁶.

Иными словами, предпочтение коснулось тех институтов, что способствуют интеграции на базе свободной торговли и охватывают страны на разных берегах Тихого океана. Такой подход позволяет США быть одним из экономических полюсов АТР и развивать многостороннюю, а в случае необходимости двустороннюю, кооперацию на условиях, выгодных для национальных производителей, способных обеспечить им преимущества перед конкурентами.

---

³ Самуйлов С.М. О стилях принятия внешнеполитических решений президентами США // США – Канада: экономика, политика, культура. 2012. №12. С. 17–18.

⁴ НГ-Дипкурьер. 2013. 21 янв.

⁵ Remarks on Regional Architecture in Asia: Principles and Priorities. Address by Hillary R. Clinton, Secretary of State. January 12, 2010. URL: <http://www.stste.gov/secretary/rm/2010/01/135090.htm>.

⁶ Remarks at APEC CEO Summit. Remarks by Hillary R. Clinton, secretary of state. Vladivostok, Russia. September 8, 2012. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2012/09/197519.htm>.

При нынешней администрации в целом сохранится прежняя экономическая политика, однако усилится американское внимание к ТТП. По словам действующего американского дипломата, к середине октября 2012 г. в Вашингтоне этот форум рассматривали в качестве организации, способной уравновесить положение всех экономических игроков региона, даже не входящих в нее ⁷. Эта инициатива рассматривается теперь как главное интеграционное объединение региона, так и в качестве регулятора региональных экономических отношений. Она будет дополняться выгодными для США двусторонними торговыми соглашениями. Другие крупные экономические форумы будут иметь для американского правительства второстепенное значение.

Как отметил министр обороны Л. Панетта, краеугольный камень политики администрации Обамы заключается в том, что пока США остаются глобальной силой по обеспечению безопасности и стабильности, они будут иметь необходимость ребалансирования в направлении АТР ⁸. Контекст, в котором были произнесены эти слова, позволяет говорить, что в них был вложен следующий смысл: этот регион для Америки становится ключевым в обеспечении безопасности в мире. Здесь ее мощь будет поддерживаться посредством старых и новых партнерств и альянсов, посредством использования новых технологичных вооружений, а также вложения средств в оборону космоса и киберпространства ⁹.

В качестве приоритетов реализации этой политики были выделены: укрепление союзов с Японией и Южной Кореей; укрепление отношений с Австралией; интенсификация отношений с Филиппинами и Таиландом; развитие партнерств с Индонезией, Малайзией и особенно Вьетнамом, роль которого определяется как решающая в формировании новой архитектуры безопасности. Был отмечен и особый интерес к партнерству с Китаем в оказании гуманитарной помощи, борьбе с наркотрафиком. Л. Панетта указывал, что между сторонами есть понимание необходимости ответственного поведения в космосе и киберпространстве. Но принципы этого поведения, по мнению Пентагона, должны быть согласованы, как и правила свободы морей в связи с напряженностью в Южно-Китайском море (ЮКМ) ¹⁰.

Фактически, эти взгляды свидетельствуют, что степень эффективности американского присутствия в АТР будет зависеть от технологического развития вооружений и средств обороны, а также от сотрудничества с союзниками и партнерами. Расставленные приоритеты констатируют, что, с точки зрения США, ключевой альтернативной силой в регионе является Китай. Его, по мнению американского руководства, необходимо вовлекать в мероприятия, способствующие укреплению общей безопасности, но его необходимо и сдерживать посредством

---

⁷ Из личного архива автора. Запись от 16 октября 2012г.

⁸ Remarks by Secretary Panetta at the Shangri-La Dialogue in Singapore. June 2, 2012. URL: <http://www.defense.gov/Transcripts/Transcript.aspx?TranscriptID=5049>

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

разработки взаимно признанных и взаимно выполняемых правил, а также при помощи крепнущих отношений с ключевыми странами региона.

Степень приоритетности альянсов указывает на то, что еще одним пунктом беспокойства является Корейский полуостров. Одним из направлений политики в отношении КНДР было сдерживание, включавшее укрепление союзнической солидарности, в т.ч. и сотрудничества в области ПРО. В докладе, подготовленном Институтом США и Канады РАН, признается возможность действующей американской ПРО перехватывать ракеты средней и меньшей дальности (РСМД)¹¹. Несколько типов таких ракет в настоящее время находятся на вооружении КНДР и Китая¹². Таким образом, создававшаяся в регионе под предлогом защиты от северокорейских ракет система ПРО служит средством сдерживания и Северной Кореи, и Китая. Кроме того, она дает возможность укрепить действующие военно-политические союзы.

В области безопасности американское правительство выделяло два центра беспокойства: Китай и КНДР. Для обеспечения должного положения в каждом случае использовались специфические меры, демонстрировавшие, в какой степени и в какой сфере безопасности эти страны являются потенциальной угрозой или потенциальным партнером для укрепления мира и стабильности. В каждом из случаев американская сторона находила возможности для усиления своих позиций в АТР.

В сфере безопасности существующая американская политика будет продолжена. У нее будут следующие ключевые элементы. Делается ставка на качественное усиление военного присутствия и количественное усиление присутствия ВМС. Баланс их распределения между Тихим и Атлантическим океанами должен составить 60:40 к 2020 г.¹³ Сохранится курс на укрепление и поддержание союзнических и партнерских отношений со странами региона на основе северокорейской угрозы и потенциальных действий Китая в районе ЮКМ. В то же время Вашингтон будет сотрудничать с Пекином по вопросам противодействия нетрадиционным угрозам и ядерному распространению, а также с целью выработать общий для всех стран региона кодекс поведения в ЮКМ. Ввиду нестабильности на Корейском полуострове по-прежнему перспективным выглядит сотрудничество США с союзниками в области ПРО. Непосредственное военное присутствие США в регионе будет выполнять функции сдерживания и психологического воздействия. Последнее будет направлено на Китай и КНДР, чтобы эти страны увеличили расходы на оборону в ущерб другим статьям бюджета. Вероятность использования американских сил в региональном конфликте существует только в исключительных обстоятельствах (критическое положение союзников, нападе-

---

¹¹ Подробнее: Исследование роли США и России в новом политическом миропорядке: науч.-аналит. доклад / под рук. С.М. Рогова. М.: ИСКРАН, 2012. С. 22.

¹² Подробнее: Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество? / под ред. А. Арбатова и В. Дворкина. М.: РОССПЭН, 2012. С. 274–277.

¹³ Remarks by Secretary Panetta...

ние на США), в остальных потенциально возможных случаях Соединенные Штаты будут полагаться на силы союзников.

Не менее важным направлением азиатско-тихоокеанской политики США является технологическое, хотя официальные лица в своих выступлениях отдельно его и не выделяли. Являясь мировым технологическим лидером, Соединенные Штаты еще в 2007 г. сделали акцент на поощрении международного сотрудничества в области эффективного использования природных ресурсов (в т.ч. энергетических), прикладном использовании биотехнологии, повышении степени обмена знаниями среди ученых мира, что должно было усилить эффективность и ускорить получение результатов американских исследований¹⁴. Осуществлялся вынос производств в страны Юго-Восточной Азии с целью создать совместные исследовательские центры¹⁵. А в 2012 г. министр обороны Л. Панетта в качестве одного из инструментов обеспечения безопасности и стабильности назвал инвестиции военного ведомства в новейшую технологию¹⁶. Для защиты своего преимущества США применяют экспортный контроль за критически важными технологиями. Вероятно, в таком виде технологическая политика сохранится в течение второго президентского срока Б. Обамы.

Еще одним направлением региональной политики будет распространение и защита демократических институтов. С одной стороны, оно обусловлено усилением религиозного фактора в США, с другой — эта политика будет проводиться в отношении стран, которые могут усилить американское присутствие в регионе за счет ослабления китайского влияния. Наиболее обещающим на этом направлении государством является Мьянма. В случае с ней ставка в деле распространения демократических ценностей сделана на действующий, постепенно демократизирующийся режим. О том, что в Вашингтоне удовлетворены ходом преобразований в этой азиатской стране, свидетельствует частичная отмена экономических санкций, которые были введены в связи с нарушениями прав человека. Также сообщается, что Б. Обама подписал указ, разрешающий американским компаниям осуществлять на территории этого государства инвестиции, в т.ч. в добычу углеводородов. В этом ряд экспертов усматривает желание Соединенных Штатов инвестировать в мьянманскую государственную нефтегазовую корпорацию¹⁷.

Для КНР это означает не только потенциальные ограничения доступа к энергоресурсам в рамках проведения политики диверсификации их поставок, но и возможное уменьшение ее влияния в этой стране в будущем. Дело в том, что ис-

---

¹⁴ Stine D. D. Science, Technology, and American Diplomacy: Background and Issues for Congress. CRS Report for Congress. June 29, 2009. URL: <http://www.crs.gov>.

¹⁵ Remarks by the President on a New Beginning, Cairo University, Cairo, Egypt. White House Press Release, June 4, 2009. URL: http://www.whitehouse.gov/the_press_office/Remarks-by-the-president-at-Cairo-University-6-04-09.

¹⁶ Remarks by Secretary Panetta...

¹⁷ ИТАР-ТАСС. 2013. 30 янв. URL: [Http://clients.tass-online.org](http://clients.tass-online.org).

торически заселенная этническими меньшинствами северная Мьянма служила коридором, через который осуществлялось сильное китайское влияние в регионе¹⁸. Теперь же придется учитывать американское присутствие.

Таким образом, в мьянманском случае политика распространения демократии будет включать политическую и экономическую поддержку действующего режима в обмен на либеральные внутривнутриполитические и экономические реформы. Она позволит американской стороне вовлечь в свою орбиту эту страну и закрепиться в ней экономически в противовес экономическому и политическому влиянию Китая.

Ключевым методом реализации внешней политики станет дипломатия, на специфику которой повлияет новый госсекретарь Дж. Керри. Его характеризуют как человека, занимающего весьма умеренные позиции, не являющегося сторонником военно-силовых решений и находящегося на 2–3 месте в рейтинге либерализма среди членов сената. Примечательна одна черта Керри-политика: он продолжит критиковать Россию, но от него не ждут жестких заявлений, которые делала Х. Клинтон¹⁹. Всё это дает достаточно информации, чтобы определить контуры американской дипломатии на грядущие четыре года. Главной ее функцией будет имиджевая: за счет менее резких высказываний должен быть создан более мирный образ США на международной арене. Этим американское руководство намерено ослабить бдительность тех партнеров по переговорам, чья позиция не соответствует интересам Соединенных Штатов. Следующим шагом будет интенсификация переговоров, в ходе которых акценты могут быть расставлены таким образом, что их итоги усилят американские позиции, в т.ч. в ущерб интересам другой стороны. Вероятнее всего, такой подход в АТР будет применен к Китаю.

В целом политика США в АТР в течение второго президентского срока Б. Обамы будет носить неагрессивный характер. Акцент будет сделан на дипломатии, экономических и политических усилиях, сотрудничестве в области технологии, не исключается использование отдельных внешнеполитических решений с целью психологического влияния. Военные силы по прямому назначению могут быть применены лишь в исключительных обстоятельствах. Таковым потенциалом сейчас обладает только ситуация на Корейском полуострове.

---

¹⁸ ИТАР-ТАСС. 2013. 23 янв. URL: <http://clients.fass-online.org>.

¹⁹ Независимая газета. 2013. 31 янв.

Новое руководство Китая – новая внешняя политика?

Сергей Александрович Иванов,

м. н. с. отдела международных отношений
и проблем безопасности ИИАЭ ДВО РАН.

В марте 2013 г. в Китае произошла ожидаемая и достаточно предсказуемая передача власти новому поколению руководителей. Председателем КНР был избран Си Цзиньпин (а также председателем Центрального военного совета; осенью 2012 г. он также стал генеральным секретарем ЦК КПК), премьер-министром назначен Ли Кэцян, руководителем внешнеполитического ведомства – Ван И. Обновился состав партийных и правительственных структур. Пришедшее поколение китайских лидеров не было замечено в поддержке каких-либо групп интересов китайского общества¹, что стало важным условием политической стабильности в Китае в период реформ². Состав Политбюро ЦК КПК и Госсовета КНР пятого поколения руководителей оказался разнообразным с точки зрения начальных позиций карьерного роста³. Тем не менее в большинстве своем его представители за последние 20—30 лет занимались исключительно партийной или правительственной работой, поэтому не чужды существующей политико-административной системе.

Будущая внешняя политика новых руководителей Китая лишь в незначительной степени будет зависеть от личностных характеристик Си Цзиньпина или Ли Кэцяна. В современных государствах Северо-Восточной Азии с достаточно развитыми и устойчивыми политическими институтами, сложившимся экономическим укладом, разветвленной государственной системой управления, отсутствием значительной социальной конфликтности вряд ли можно говорить о радикальных изменениях во внешнеполитическом курсе со сменой руководства стран. Китай – не исключение. Хотя политическому режиму в Китае далеко до западных идеалов демократии, единовластие, включая внешнеполитическую сферу, здесь перестало быть основой в принятии решений еще при Дэн Сяопине в 1980-е гг.⁴

Гораздо более важным для понимания действий нового китайского руководства на международной арене является анализ тех геополитических, экономических, идеологических и прочих условий, при которых произошла передача вла-

---

¹ Zhang Jun. Can China Adapt? URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/institutional-flexibility-and-chinese-economic-growth-by-jun-zhang#2dLCfL2LGH6QR0Vp.99>.

² Besley T., Kudamatsu M. Making Autocracy Work // Development Economics Discussion Paper Series. 2007. №48. P. 37—39.

³ Cheng Li. The Chinese Communist Party: Recruiting and Controlling the New Elites // Journal of Current Chinese. 2009. №3. P. 13—33.

⁴ Cheng Li. China's Fifth Generation: Is Diversity a Source of Strength or Weakness? // Asia Policy. 2008. №6. P. 53—93.

сти и которые будет сопровождать новое руководство на протяжении его предполагаемого десятилетнего правления.

Наиболее важным вызовом, на который придется искать ответ Си Цзиньпину с его командой и подстраивать под него свою внешнюю политику, станет сокращение ресурсной базы существующей экономической модели, которая во многом опирается на интенсивное взаимодействие с мировым рынком⁵. Китайское чудо последних 35 лет не было уникальным и не является продуктом стратагемности мышления Дэн Сяопина и последующих лидеров КНР. Во многом оно стало результатом одновременного протекания двух процессов. Во-первых, массивного перемещения деловой активности в Восточную Азию с 1970-х гг.⁶ (в другие регионы мира капитал не поступал в таких масштабах и на таких выгодных условиях, поэтому их рост был либо медленным, либо скоротечным). И, во-вторых, демографическими особенностями китайского общества, которые гарантировали не только дешевую рабочую силу для экспортоориентированных производств, но и уникально низкие социальные обязательства государства⁷.

В последние годы первый компонент – западный капитал – испытывает серьезные трудности в связи с кризисными процессами, и в дальнейшем будет объективно искать новые рынки дешевой рабочей силы. Демографические выгоды Китая, по прогнозам, иссякнут к началу 2020-х гг.⁸. Уже сейчас, в период замедления роста мировой экономики после финансового кризиса 2008—2009 гг., эта модель оказывает внушительное давление на государство со снижением роста ВВП КНР в последние годы до уровня 7,8% в 2012 г. и 7,7% в первом квартале 2013 г.

Пока центральное правительство не испытывает серьезных фискальных проблем, однако определенные вопросы вызывает ситуация в регионах, где местные органы власти активно выпускают облигации для восполнения бюджетного дефицита, задолжав на данный момент от 10 до 20 трлн юаней КНР (20—40% экономики страны)⁹, что в апреле 2013 г. вынудило международные агентства Fitch и Moody's понизить кредитный рейтинг Китая¹⁰.

---

⁵ Например, как указывал один из ведущих китайских экономистов, с 2001 по 2008 г. 40% роста китайской экономики приходилось на долю увеличивающихся объемов экспорта. См.: Yao Yang. China's \$3.2 Trillion Headache. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/china-s--3-2-trillion-headache>.

⁶ Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2003. С. 51—52.

⁷ Yao Yang. Yu Sengjie. Laodongli, renkou he zhongguo chukou daoxiang de zengzhang moshi = Трудовые ресурсы, население и экспортоориентированная модель роста Китая // Jinrong yanjiu. 2009. №9. С. 1—13.

⁸ Yao Yang. Yu Sengjie... С. 10

⁹ Оценки задолженности местных властей в Китае сильно разнятся. Центральное правительство предоставляет лишь оценочные данные, утверждая, что с 2011 по 2013 г. долги местных правительств практически не выросли и составляли около 10 трлн. юаней КНР. В то же время независимые эксперты инвестиционных агентств в Китае более пессимистичны, заявляя, что в последние годы задолженность не прекратила ускоренный рост, достигнут 15—20 трлн юаней.

¹⁰ Китай: ситуация с долгами выходит из-под контроля. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/26413>.

Суть реакции центрального правительства на вышеуказанный вызов заключалась в декларациях о необходимости переориентации экономики на ускоренное развитие внутреннего рынка при удержании позиций на внешних рынках, который усилился в разгар мирового финансового кризиса. Со стороны центрального правительства КНР реализация этих призывов потребует развивать внешнюю политику в рамках двух уже сейчас четко различимых и взаимно конфликтующих направлений: необходимости поддержания мировой экономической системы и необходимости усиления националистической идеологии как одного из необходимых условий создания сильного экономического пространства в рамках границ государства. Первое направление доминирует в настоящее время в дипломатических и внешнеэкономических действиях центрального правительства КНР, второе – постепенно набирает силу во внешнеполитической риторике.

Для поддержания мировой экономической / политической системы китайское государство будет проводить следующую внешнеполитическую и внешнеэкономическую стратегию:

Во-первых, китайские власти будут вынуждены способствовать максимальной открытости мировых рынков и противостоять усилению протекционизма в политике США, Европы и других стран для экспорта своей продукции и импорта сырья. Например, в 2012 г. 29% всех антидемпинговых расследований в ВТО было направлено против Китая¹¹. Китайские компании неизбежно наталкиваются на противодействие государственных структур США, Европы, России и т.д. при приобретении зарубежных корпораций или значительных пакетов акций.

Одновременно, по-прежнему оставаясь одним из основных бенефициаров мировой экономической системы, Китай будет поддерживать существующий мировой политический порядок. В апреле 2013 г. Си Цзиньпин на Боаоском деловом форуме заявил, что «никто не имеет права втягивать регион или весь мир в хаос ради эгоистичных целей»¹², а вся речь китайского лидера была направлена на необходимость поддержания статус-кво в международных делах. Западные аналитики моментально связали это высказывание с действиями Северной Кореи¹³, однако, это, в сущности, подход Китая последних десятилетий ко всем политическим кризисам, которые происходят в мире.

Во-вторых, для обеспечения экспортоориентированной части народного хозяйства заказами китайским властям придется поддерживать рост мировой экономики. КНР уже накопила долгосрочных казначейских облигаций США на

---

¹¹ Anti-dumping initiations: by exporting country.
URL: http://www.wto.org/english/tratop_e/adp_e/AD_InitiationsByExpCty.xls.

¹² Xi Jinping zhuxi zai Boao Yazhou luntan 2013 nian nianhui shang de zhuzhi yanjiang = Выступление Председателя Си Цзиньпина на ежегодном Боаоском азиатском форуме 2013 г.
URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/ziliao_611306/zyjh_611308/t1028894.shtml.

¹³ Christopher R. Hill. How to Move China.

URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/understanding-chinese-concerns-about-north-korea-by-christopher-r--hill#qtBХyc0Ve7kl32Vc.99>.

сумму более 1,1 трлн долл. США, став основным кредитором американской экономики. КНР также является крупнейшим кредитором всей мировой экономики с размером накопленных активов 3,2 трлн долл. США. Вложения в необеспеченные реальной экономикой ценные бумаги – не самый лучший способ инвестирования денег, однако является необходимой мерой поддержания мировой экономической системы¹⁴.

В-третьих, поддержание экспортоориентированных производств при одновременном развитии внутреннего рынка требует огромного количества природных ресурсов. По прогнозам ОПЕК, в 2013 г. Китай будет завозить около 60% потребляемой в стране нефти, а в 2014 г. обгонит США по объемам импорта этого вида сырья¹⁵. Китай также испытывает дефицит в железной руде, меди, никеле и других видах полезных ископаемых. Однако сам по себе вызов, который стоит перед китайской политической и экономической элитой заключается не в объемах завозимого сырья и даже не в растущей зависимости от внешних рынков. Япония, Республика Корея и многие другие страны уже в течение десятилетий легко справляются с этой проблемой. Проблема заключается в том, что Китаю во многом приходится опираться на импорт из политически нестабильных регионов (Иран, Судан и т.д.), осуществлять перевозки через опасные маршруты (особенно Малаккский пролив) или сталкиваться с высокомонополизированными рынками, на которые вход для китайских компаний закрыт.

В этой ситуации для Си Цзиньпина и его окружения ключевым останется вопрос, как обеспечить проникновение китайского капитала на поделенный мировой рынок, чтобы, во-первых, не вызывать негативную реакцию опасений китайской экспансии или поддержки Китаем недемократических сил в мире, во-вторых, не приобретать ненадежные и плохие активы, когда политическая нестабильность в странах-реципиентах как, например, недавние события в Ливии или Судане, ставят под вопрос даже не рентабельность инвестиций, а просто их сохранность.

Практически невыполнимой вышеуказанную задачу делает необходимость проведения второго магистрального курса во внешней политике КНР – усиления националистической риторики в международных делах. Почему усиление национализма во внешней политике Китая – это неизбежность, которую придется осуществлять центральному правительству КНР независимо от конкретных личностей во властных структурах? Выше уже упоминалось, что сокращение ресурсов экспортоориентированной модели развития вынуждает китайское руководство в ближайшее десятилетие решать проблему ускоренного развития национального экономического пространства. Только укрепив единое экономическое простран-

---

¹⁴ Yao Yang. China's \$3.2 Trillion Headache. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/china-s--3-2-trillion-headache>.

¹⁵ Zhongguo yue jing jinkou shiyou shouchao meiguo = Месячные показатели по импорту нефти Китаем впервые превысили показатели США.

URL: http://news.xinhuanet.com/fortune/2013-03/12/c_124446727.htm.

ство, которое еще в 1990-е гг. было фрагментировано больше, чем в Евросоюзе¹⁶, центральное правительство будет способно успешно использовать ресурсы китайского общества. Одновременно усилия государства по мобилизации ресурсов общества в рамках национальных границ исторически требовали поддержки властями националистической идеологии¹⁷.

Си Цзиньпин в первые же дни пребывания в ранге руководителя государства успел внести свой вклад в развитие идей китайского национализма. В своей речи на церемонии закрытия съезда ВСНП в марте 2013 г. он заявил о необходимости реализации «китайской мечты возрождения величия китайской нации»¹⁸.

Эта тенденция, безусловно, внесет негативную струю во взаимоотношения с другими государствами. Ее влияние будет особенно сильно в отношениях с соседними странами. Во-первых, в большинстве из них тоже стремительно нарастают идеи национализма, т.к. им приходится решать схожую задачу укрепления единого национального пространства в качестве компенсации потерь ухода от экспортоориентированной модели развития. Во-вторых, взаимоотношения по периметру государственных границ являются основной геополитической проблемой китайского руководства на протяжении многих десятилетий. Китай – это континентальная держава, исторически окруженная значительным количеством малых и крупных держав, которые китайским властям нередко не удавалось сдерживать. В настоящее время с ростом китайской мощи такая проблема неактуальна, однако появилась другая, связанная с постепенным нарастанием идей о возможной китайской экспансии, реанимированных в начале 1990-х гг. Например, в США сегодня укрепляется уверенность в том, что не стоит предпринимать активных действий по сдерживанию Китая в Азии, т.к. окружающие Китай страны сами начнут формировать неформальную антикитайскую коалицию, что можно увидеть в действиях Вьетнама, Индии, Японии, Индонезии и других стран в последние годы¹⁹.

Тихоокеанская Россия и внешняя политика Китая

Из обновленного состава высшего руководства КНР наиболее осведомлен о Тихоокеанской России Чжан Дэцзян, член постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, председатель ВСНП. В 1990—1995 гг. он занимал должность первого секретаря парткома приграничного с Россией Яньбянь-Корейского автономного округа и затем в 1995—1998 гг. провинции Цзилинь как раз в то время, когда стре-

---

¹⁶ Sandra Poncet. A Fragmented China: Measure and Determinants of Chinese Domestic Market Disintegration // Review of International Economics 13-3 (2005): 409—430.

¹⁷ Pierre Bourdieu. Rethinking the State: Genesis and Structure of the Bureaucratic Field // Sociological Theory 12-1 (1994): 7.

¹⁸ Xi Jinping: zai shier jie quanguo renda yici huiyi shang de jianghua = Выступление Си Цзиньпина на первом заседании ВСНП 12-го созыва. URL: http://www.gov.cn/lhdh/2013-03/17/content_2356344.htm.

¹⁹ The Presidential Inbox: China's Leadership Transition [transcript]. URL: <http://www.cfr.org/china/presidential-inbox-chinas-leadership-transition/p30070>.

мительно стартовал и не менее стремительно прервал свое развитие проект Гуманган, активно продвигаемый цзиньской бюрократией. Си Цзиньпин в ранге заместителя председателя КНР был проездом во Владивостоке в марте 2010 г. однако это не более чем интересные факты, из которых нельзя вывести никаких однозначных выводов о том, как будет вести себя новое руководство страны в делах, касающихся дальневосточных рубежей РФ.

Если же встраивать Россию и ее дальневосточную окраину в те направления внешней политики КНР, которые были определены в начале материала, то на ближайшее десятилетие можно прогнозировать следующие последствия для Тихоокеанской России. Китай продолжит политику обеспечения максимальной прозрачности российско-китайской границы, будет стремиться к увеличению пропускной способности основных пограничных переходов для сбыта своей продукции в Россию и для получения ресурсов. Одновременно в целях дальнейшего развития своих транспортных и логистических возможностей КНР активизирует усилия по созданию альтернативы Транссибу, которые, однако, вряд ли будут иметь успех в силу нестабильной ситуации в странах Центральной Азии.

Безусловно, Тихоокеанская Россия останется привлекательной для Китая как рынок природных ресурсов. Учитывая текущие и будущие инфраструктурные возможности российского региона, она останется лишь одним из источников нефти (даже с учетом увеличения поставок по трубопроводам и железной дороге), угля, металлов и т.д. Можно ожидать лишь сохранения значимости сибирской и дальневосточной древесины для китайского рынка, которая в последние годы закрывает около 10% китайского потребления этого вида продукции.

В условиях политической «дружбы» РФ и КНР властные элиты приграничных с Россией территорий Китая и представители крупнейшего бизнеса как ключевые группы общества продолжают давление на Пекин в целях интенсификации различных проектов в Тихоокеанской России (например, по созданию трансграничных экономических зон, строительству инфраструктуры и т.д.) или демонстрации Пекину своей активности в укреплении двустороннего диалога. Это может привести, с одной стороны, к реальным экономическим выгодам для ТР, с другой – к росту взаимного недоверия, когда местная политическая элита и бизнес-элиты Китая будут дезинформировать Пекин о причинах провала тех или иных инициатив в сотрудничестве с ТР.

Национализм в Китае сохранит в себе российский вектор, связанный с консервацией требований общественности по возврату «северных территорий» (юга Тихоокеанской России). Тем не менее при благоприятном развитии политического диалога эти требования не будут выноситься на официальный уровень.

Первые итоги смены правящей партии и задачи нового Кабинета министров

Иван Владимирович Мозговой,
аспирант Института истории, археологии и
этнографии народов Дальнего Востока ДВО
РАН, помощник директора по международ-
ным связям.

26 декабря 2012 г. кабинет премьер-министра Ноды — последнего на текущий момент представителя Демократической Партии Японии (ДПЯ), занимавшего эту должность — всем составом ушёл в отставку, что ознаменовало окончание периода нахождения данной партии в статусе правящей, длившегося 1198 дней¹ (с 16 сентября 2009 г.). Пост премьер-министра официально перешёл к Абэ Синдзо, лидеру Либерально-демократической партии.

Г-н Абэ стал вторым за всю послевоенную историю Японии политиком, которого повторно избирали на этот пост после отставки (до этого он находился в соответствующей должности с 26 сентября 2006 по 27 августа 2007 г.)². Эти события, безусловно, являются важной вехой в политической жизни Японии, и, хотя после смены правящей партии данной страны прошло лишь чуть больше 2,5 месяцев, уже сейчас можно сделать некоторые выводы относительно новой внутриполитической ситуации и изменений, которые она претерпела по сравнению с предыдущим кабинетом министров, а также попытаться спрогнозировать наиболее вероятные пути её развития и влияния на экономическую ситуацию внутри Японии и на японскую внешнюю политику.

Прежде всего отметим, что переход власти спустя более чем три года обратно к ЛДП не вызвал большого ажиотажа, по крайней мере, внутри Японии. Предыдущая смена правящей партии, когда либерал-демократы впервые за почти 65-летнюю послевоенную историю перешли в оппозицию, а руководство страной перешло к ДПЯ, была действительно переломным событием: избиратели отказались от «монополии» ЛДП на власть, доверив (в немалой степени – из любопытства) бразды правления партии, до этого постоянно находившейся в оппозиции. В этот раз произошел лишь своеобразный «возврат» к прежней правящей партии, воспринятый многими как естественный ход вещей. Такое различие объясняется сильным недовольством ДПЯ со стороны японской общественности, пик которого пришёлся на правление премьер-министра Ноды. Основными причинами недовольства были неэффективные меры правительства по оживлению экономики

---

¹ URL: <http://sankei.jp.msn.com/politics/news/121226/plc12122609580005-n1.htm> (дата обращения: 2013.03.10).

² Первым таким премьер-министром был Ёсида Сигэру (периоды нахождения в должности премьер-министра Японии: 22 мая 1946 г. — 24 мая 1947 г. и 15 октября 1948 г. — 10 декабря 1954 г.).

(в частности – неспособность остановить дефляцию, негативно отражающуюся на компаниях внутреннего рынка Японии, и высокий курс иены, затрудняющий экспорт); невыполнение основных обязательств предвыборного манифеста 2009 г.; медленное восстановление пострадавших регионов и ненадлежащие действия по ликвидации последствий аварии на АЭС «Фукусима-1» и т.д.

Всё это выражалось в низком политическом рейтинге самого г-на Ноды (19% по состоянию на 11 декабря 2012 г., согласно опросу общественного мнения, проведенному газетой «Санкэй Симбун» и агентством FNN, — один из самых низких рейтингов за время нахождения ДПЯ у власти) и более жёстких действиях по отношению к ДПЯ со стороны ЛДП в вопросах разработки политики в различных сферах, а также рассмотрения, обсуждения и принятия соответствующих законопроектов. Поэтому и представители политических и экономических кругов, и рядовые граждане Японии считали переход власти обратно к ЛДП вопросом времени, который окончательно прояснился 14 ноября 2012 г., когда премьер-министр Нода в ходе дебатов с лидерами партий объявил о роспуске палаты представителей³ 16 ноября и проведении всеобщих выборов 16 декабря⁴. Победу на них, причём с большим перевесом, одержала ЛДП⁵.

Что касается текущей политической ситуации в Японии, то она характеризуется низкой межпартийной борьбой вследствие отсутствия значимых событий, а также доминирующих позиций ЛДП в обеих палатах парламента. И хотя нельзя утверждать, что явление «размежеванного парламента», когда большинство мест в одной палате принадлежит правящей, а в другой – оппозиционной партии⁶, полностью исчезло, резко возросший политический вес ЛДП позволяет ей не испытывать затруднений при принятии законодательных актов, с которыми в своё время пришлось столкнуться ДПЯ.

Кроме того, можно утверждать, что у ЛДП сейчас нет конкурентов, способных помешать ей в проведении реформ, часть из которых подразумевает возврат к прежней политике — увеличение военного бюджета и расходов на поддержание и развитие инфраструктуры и т.д. Крупнейшая оппозиционная партия, ДПЯ не способна в одиночку ограничивать реализацию курса, выбранного ЛДП, да и негативное психологическое воздействие утраты статуса правящей партии и низкие рейтинги заставляют её делать основной упор на хотя бы частичное восстановление своего влияния. Кроме того, так называемый «третий полюс политиче-

---

³ Нижняя палата японского парламента, избираемая на 4 года. Верхняя палата (Палата советников) избирается на 6 лет.

⁴ URL: <http://www.j-cast.com/2012/11/14153975.html?p=all> (дата обращения: 2013.03.07).

⁵ На 46-х выборах в Палату представителей ЛДП увеличила число своих мест со 118 до 294, в то время как у ДПЯ этот показатель снизился с 231 до 57. См.: <http://www.jiji.com/jc/election/> (дата обращения: 2013.03.06).

⁶ По данным за 10 января 2013 г. в палате представителей большинство составляют две правящие партии ДПЯ и Комэйто (в сумме 326 места), в то время как оппозиция занимает лишь 154 места. Тем не менее в Палате советников эти две партии обладают лишь 102 местами, а у оппозиции их 140. См.: <http://seiji.yahoo.co.jp/guide/giseki/> (дата обращения: 2013.03.05).

ской силы»⁷, который был создан в противовес двум традиционным «тяжеловесам» (ЛДП и ДПЯ) и рассматривался многими аналитиками как серьёзный потенциальный конкурент этим партиям, не оправдал надежд – по итогам выборов, его представителям удалось закрепить за собой лишь 54 места⁸. Отметим, что сам факт активного продвижения региональных политических организаций в центральные органы законодательной власти свидетельствует не только об увеличении их популярности, но и о растущем негативном отношении простых японских граждан к двум крупнейшим партиям. Однако низкая доля присутствия в парламенте, сильная разобщённость и отсутствие достаточного опыта для участия в законодательной деятельности на национальном уровне будет сдерживать развитие региональных сил в структуре парламента.

Есть ещё один фактор, который обеспечивает нынешнему японскому премьер-министру прочное положение — улучшение экономической ситуации внутри Японии благодаря росту индекса Никкей на Токийской фондовой бирже (за период пребывания Абэ на посту премьер-министра этот индекс вырос с примерно 10 тыс. иен в конце декабря до более чем 12 тыс. иен в марте)⁹ и снижению курса иены к доллару, столь долгожданному для экспортных компаний (от 76 иен до отметки в 95 иен за аналогичный период)¹⁰. Это улучшение связано в первую очередь с положительной динамикой на фондовых рынках США, которая сильно влияет на показатели японских бирж. С учетом традиционной нестабильности американской экономики и отсутствия прочной основы для устойчивого экономического роста, достигнутые улучшения могут сойти на нет, однако текущая динамика показывает, что, несмотря на временные и незначительные снижения котировок акций и других экономических показателей, Абэ всё ещё может извлекать дивиденды из сложившейся ситуации.

Основные положения политического курса, который ЛДП собирается реализовывать, были обозначены в обращении премьер-министра Абэ к депутатам парламента 28 января 2013 г. Помимо вступления и заключения, текст обращения состоит из трех основных разделов: «Оживление экономики», «Восстановление после землетрясения»¹¹ и «Дипломатические отношения / обеспечение безопасности». С учётом поставленных задач в нашей работе будут рассмотрены первый и третий разделы.

---

⁷ Под данным «полюсом» подразумеваются, как правило, региональные политические партии, стремящиеся закрепиться в парламенте не только для продвижения и отстаивания интересов своих префектур, но и для постепенной реформы политической системы в целом, путём создания конкуренции традиционным партиям.

⁸ URL: http://biz-journal.jp/2012/12/post_1172.html (дата обращения: 2013.03.10).

⁹ URL: <http://stocks.finance.yahoo.co.jp/stocks/detail/?code=998407.o&ct=b>.

¹⁰ URL: <http://stocks.finance.yahoo.co.jp/stocks/chart/?code=USDJPY=X> (дата обращения: 2013.03.08).

¹¹ Имеется в виду Великое землетрясение в Восточной Японии, которое произошло 11 марта 2011 г. и стало одним из наиболее разрушительных за всю историю страны.

В экономической сфере планируется осуществить комплекс реформ, именуемый «абэномикой»¹². Впервые этот термин был использован в манифесте ЛДП на выборах в палату представителей в декабре 2012 г. Сами реформы отражают главные цели и задачи, стоящие перед нынешним кабинетом министром. Наиболее приоритетные цели — вывод страны из дефляции и обеспечение роста внутренних цен на 2% в течение двух лет, что поддержит компании и предприятия, осуществляющие основную коммерческую деятельность на японском рынке. В планах и борьба с высоким курсом иены, который, несмотря на относительные преимущества (дешёвый импорт, создание условий для потребительской активности, обеспечение стабильных поставок минеральных и других ресурсов из-за рубежа), негативно воздействует на экспорт, не только снижая выручку соответствующих компаний, но и делая невыгодным дальнейшее размещение экспортно ориентированных производств внутри страны. Кроме того, был организован специальный отдел «оживления японской экономики», который совместно с воссозданным «Консультационным советом по экономике и финансовой политике» будет участвовать в создании и выработке законопроектов и предложений по экономической стратегии, включающей не только финансовую, но и монетарную политику, а также привлечение частных инвестиций.

Что касается бюджета, то основная задача состоит в постепенном снижении объёма государственных долговых обязательств, а соответствующие меры будут предприниматься по трем основным направлениям: «Восстановление после катаклизмов и предотвращение нанесения ими ущерба», «Создание богатства через рост» и «Спокойное проживание и активизация региональной экономики». Помимо чисто экономических задач г-н Абэ затронул важность технологических инноваций, необходимость активнее задействовать женщин в деятельности компаний и предприятий, а также значимость создания «образа общества, к которому нужно стремиться»¹³.

Ещё одним важным испытанием для кабинета министров станет проведение переговоров о вступлении в ТРП¹⁴, об участии в котором было официально объявлено 15 марта 2013 г.¹⁵. Это партнёрство представляет собой в некотором смысле региональный аналог ВТО, но с более жёсткими условиями. Премьер-

---

¹² Термин «абэномика» образован путём совмещения двух слов – «Абэ» и «экономика». Им обозначается комплекс реформ в экономической, научно-технической и других сопутствующих сферах, который ЛДП планирует реализовывать под руководством вышеупомянутого премьер-министра.

¹³ URL: http://www.kantei.go.jp/jp/96_abe/statement2/20130128syosin.html (дата обращения: 2013.03.11).

¹⁴ ТРП (англ. Trans-Pacific Partnership) – транс-тихоокеанское стратегическое экономическое сотрудничество, созданное для развития экономических отношений (прежде всего – увеличения внешнеторгового оборота) между странами-участниками. Его отличительной особенностью является мгновенное или постепенное обнуление таможенных пошлин на практически все наименования, экспортируемые государствами, участвующими в данном сотрудничестве. Было образовано в мае 2006 г., сейчас насчитывает девять стран (в т.ч. США, Австралию и др.).

¹⁵ URL: <http://www.yomiuri.co.jp/atmoney/kouza/kabuka2/03/20130318-ОУТ8Т00754.htm> (дата обращения: 2013.03.15).

министру Абэ предстоит найти решение, которое устроит и компании производственных отраслей, ратующие за вступление в ТРП в надежде повысить конкурентоспособность своих товаров на зарубежных рынках за счёт отсутствия импортных пошлин, и фермеров, которые опасаются ухудшения своего положения вследствие резкого роста импорта более дешевой сельскохозяйственной продукции из других стран.

Что касается внешнеполитического курса и обеспечения безопасности, которые, по словам г-на Абэ, «должны срочно подвергнуться коренному пересмотру»¹⁶, он, как и прежде, будет базироваться на японо-американском договоре о безопасности, тем самым подчеркивая неизменную первоочередную значимость США для Японии. Перед премьер-министром стоит задача укрепления отношений с ними, несколько ослабленных в период нахождения у власти ДПЯ из-за противоречий по размещению военных баз на Окинаве и т.д. Кроме того, в своём послании г-н Абэ подчеркнул необходимость укрепления отношений со странами АСЕАН как условие обеспечения мира и процветания в регионе. Наконец, отдельно было упомянуто о важности решения проблемы похищения японских граждан спецслужбами КНДР в 70—80-х гг. XX в., а также о противодействии международному терроризму. Последняя тема стала вновь актуальной для Японии в январе этого года, когда в результате нападения террористов на газоперерабатывающий комплекс в Алжире погибло 10 японцев¹⁷, что ещё больше увеличило озабоченность правительства Японии безопасностью своих граждан во время пребывания за рубежом. Не случайно премьер-министр Абэ начал своё обращение именно со слов соболезнования родственникам работников, погибших в результате вышеупомянутого алжирского инцидента.

Касательно российско-японских отношений можно утверждать, что при новом японском премьер-министре значительных изменений не предвидится, по крайней мере, на начальном этапе. Главной темой, вокруг которой эти отношения будут строиться, останется проблема Северных территорий, являющаяся для японской стороны приоритетной. Следует отметить, что многие представители политических и экономических кругов возлагают большие надежды не только на премьер-министра Абэ, но и на президента РФ Путина как на человека, способного создать подходящую атмосферу для переговоров и, как следствие, заинтересованного в скорейшем решении данной проблемы. Тем не менее официальная позиция японского правительства, сводящаяся к требованию возвращения всех четырех спорных островов, остаётся неизменной, поэтому вероятность достижения сколько-нибудь значительно прогресса в этом направлении очень низка. В то же время остановка почти всех атомных реакторов и сопровождаемое ею обострение проблем энергетической безопасности вынуждают Японию оптимизиро-

¹⁶ URL: http://www.kantei.go.jp/jp/96_abe/statement2/20130128syosin.html (дата обращения: 2013.03.11).

¹⁷ URL: <http://zasshi.news.yahoo.co.jp/article?a=20130212-00000001-voice-pol> (дата обращения: 2013.03.14).

вать структуру выработки электроэнергии, одновременно осуществляя поиск новых поставщиков сырья. С учётом географической близости России и её по-прежнему незначительной доли в структуре импорта углеводородов, можно утверждать, что российско-японское сотрудничество в энергетической сфере будет расширяться.

Таким образом, личная популярность и популярность ЛДП, а также благоприятная внешняя (прежде всего экономическая) обстановка позволили г-ну Абэ взять уверенный старт в качестве премьер-министра. Тем не менее ему предстоит не только решать внутренние экономические, социальные и другие проблемы, многие из которых носят хронический характер и требуют оперативных действий, но и обеспечивать прочную позицию Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где геополитическая обстановка всё чаще обостряется. В этой связи определяющую роль будет играть то, удастся ли премьер-министру Абэ отказаться от прежних методов реализации политики (которые в своё время привели ЛДП к переходу в оппозицию и потере доверия рядовых граждан) и предложить меры, способные не только оживить экономику Японии, но и укрепить её положение в международных отношениях на уровне Азиатско-Тихоокеанского региона.

Япония-2013. Итоги парламентских выборов

Борис Михайлович Афонин,

канд. истор. наук, с. н. с. отдела международных отношений и проблем безопасности ИИАЭ ДВО РАН

21 июля 2013 г. в Японии состоялись выборы в верхнюю палату парламента (Палату советников). Согласно конституции страны, они проводятся раз в шесть лет, но каждые три года переизбирается половина из 242 депутатов этой палаты, т.е. 121 чел., у которых истекает срок действия их шестилетнего мандата. Следует отметить, что верхняя палата японского парламента имеет второстепенное значение по сравнению с ключевой нижней. Тем не менее прошедшие выборы имели важное значение для правящей Либерально-демократической партии (ЛДП) во главе с премьер-министром Японии Синдзо Абэ. Несмотря на то, что ЛДП обладает подавляющим большинством в нижней палате парламента (палате представителей), предвыборное положение оппозиции в верхней палате несколько ограничивало возможности ЛДП. Необходимо было завоевать более двух третей мест в верхней палате, что позволяло бы беспрепятственно принимать законы и даже вносить изменения в конституцию страны.

Прошедшие выборы в верхнюю палату парламента оказались удачными для ЛДП. Она завоевала 65 мандатов. С учетом тех мест, которые не оспаривались на выборах в этом году, ЛДП имеет 115 голосов. Партия Комэйто (в англоязычном варианте ее именуют New Komeito), которая входит в коалицию с ЛДП, имеет 20. Таким образом, правящая коалиция в настоящее время располагает 135 мандатами в верхней палате парламента, а с учетом нижней палаты — имеет над парламентом контроль, необходимый для стабильной его работы.

Что касается главной оппозиционной Демократической партии (ДПЯ), то она выступила неудачно и у нее сейчас в верхней палате 59 мест. У остальных партий результаты еще меньше (см. табл. 1).

Таблица 1

Расстановка политических сил в парламенте Японии на 22 июля 2013 г.

№	Политические партии	Нижняя палата (представителей), количество мест	Верхняя палата (советников), количество мест
1	Либерально-демократическая партия	295	115
2	Демократическая партия	57	59
3	Партия реставрации Японии	53	9
4	Комэйто	31	20
5	Партия всех	18	18
6	Коммунистическая партия	8	11

7	Партия жизни	7	2
8	Социал-демократическая партия	2	3
9	Партия «Зеленый ветер»	2	0
10	Партия реформ	0	1
11	Беспартийные	7	4
	ИТОГО	480	242

Таблица составлена на основании: Нихон кэйдзай симбун. 2013. 22 июля; Йомиури симбун. 2013. 22 июля; The Japan Times. 2013. July 22.

Синдзо Абэ на своей первой после выборов пресс-конференции подчеркнул, что считает главной задачей правительства обеспечить устойчивый рост экономики страны. Для этого предусмотрены солидные бюджетные ассигнования на перспективные проекты, стимулирование частных инвестиций, что позволит вывести экономический рост на уровень не менее 2% в год, повысить доходы населения и расширить внутренний спрос (*NHK World TV. 2013. July 22*).

На пресс-конференции Синдзо Абэ подтвердил также свое намерение активизировать дискуссию о пересмотре ряда статей ныне действующей конституции страны, в частности, ее 9-й статьи, запрещающей Японии иметь официальную армию и применять вооруженные силы для разрешения международных споров. Японского премьера в этом поддерживают Партия реставрации Японии и Партия всех. Идею пересмотра конституции японские СМИ объясняют напряженной обстановкой в азиатском регионе на фоне обострения территориальных споров, а также растущей военной мощью Китая и разработкой ракетно-ядерного оружия в КНДР.

В мае 2013 г. Совет национальной обороны официально утвердил проект реформы вооруженных сил страны, именуемых Силами самообороны. Он предусматривает возможность нанесения ударов по военным базам на территории противника, создание морской пехоты для обороны отдаленных островов в Восточно-Китайском море, вокруг которых в последнее время обострились конфликты с Пекином. Проект предусматривает также наращивание военно-морских и наземных сил противоракетной обороны с целью отражения возможных атак (*ИТАР-ТАСС. 2013. 30 мая*).

Таким образом, с возвращением в декабре 2012 г. к власти ЛДП можно констатировать, что правительство Японии во главе с Синдзо Абэ твердо взяло курс на проведение экономических реформ с целью вывода страны из депрессии, а также изменение некоторых статей ныне действующей конституции для снятия ограничений к созданию регулярной армии, что в свою очередь вызовет негативную реакцию в соседних странах и может привести к обострению обстановки в азиатском регионе.

Изменения во внешнеполитическом курсе Республики Корея после прихода к власти администрации президента Пак Кын Хе

Игорь Анатольевич Толстоулаков,
д-р ист. наук, проф., заведующий
Центром международных отношений и
проблем безопасности ИИАЭ ДВО РАН.

Первоочередной задачей южнокорейского государства с конца первого десятилетия XXI в. провозглашается «достижение такого уровня безопасности, который гарантировал бы внутреннюю стабильность, активное участие в международном разделении труда на привычных и благоприятных для Республики Корея условиях и одновременно не допускал бы нарушения национального суверенитета»¹. Такой подход к определению принципиальных основ внешней и внутренней политики отражен в концепции национальной безопасности Республики Корея, подготовленной и принятой после прихода к власти в 2008 г. консервативного руководства во главе с президентом Ли Мён Баком.

Оценивая содержание «Стратегии национальной безопасности Республики Корея», получившей наименование «Global Korea / Корея глобальная», можно прийти к выводу, что принципиальной основой текущей политики южнокорейского государства является т.н. «творческий прагматизм» (Creative Pragmatism), обоснование которому дано в специальном разделе «Принципы творческого прагматизма», выделенном во второй главе «Стратегии», названной «Внешняя политика и понимание национальной безопасности администрацией Ли Мён Бака»². Определение «прагматичный» часто используется для характеристики различных черт южнокорейского общества и государства, начиная с традиционного менталитета и общественного сознания корейцев и заканчивая их подходами к текущим политическим проблемам.

Переход власти к консерваторам в 2008 г. и их повторная победа на президентских и парламентских выборах 2012 г. только усиливают зависимость государственной политики Сеула от прагматичных подходов и взглядов, особенно на фоне резкого ухудшения межкорейских отношений в конце 2012 – первой половине 2013 г.

Для понимания текущей политики Южной Кореи нелишне разобраться в том, что же скрывается под термином «творческий прагматизм», ставшим определением политического курса консервативного руководства страны. «Стратегия национальной безопасности Республики Корея» определяет три базовых принципа «творческого прагматизма»:

---

¹ Global Korea. The National Security Strategy of the Republic of Korea. June 2009. Seoul: Office of the President, 2009. P. 3.

² Ibid. P. 14–16.

«(1) трезвая, реалистическая и последовательная оценка окружающей обстановки;

(2) постановка достижимых целей и разработка обоснованных планов по их достижению;

(3) обеспечение максимально возможных выгод от затраченных вложений и усилий»³.

«Стратегия» называет также три условия, необходимых для реализации политики «творческого прагматизма»:

- поддержание и упрочение национального консенсуса;
- нацеленность на достижение практических результатов;
- развитие международного сотрудничества⁴.

Названные выше принципы и условия реализации политики «творческого прагматизма»⁵ распространяются на все направления жизнедеятельности южнокорейского государства, но особенно полно проявляются они в экономической сфере, прежде всего по проблемам внешнеэкономических связей.

Важно отметить, что при определении границ своего жизненного пространства Южная Корея выходит далеко за рамки национальной территории. И дело не только (и даже не столько) в том, что по южнокорейской конституции территорией республики провозглашается весь Корейский полуостров и прилегающие к нему острова⁶. Соблюдение национальных интересов Республики Корея напрямую увязывается с поддержанием регионального равновесия во всей Северо-Восточной Азии, о чем идет речь в преамбуле к «Стратегии национальной безопасности»⁷. Документ в целом дает понять, что южнокорейское руководство в понимании национальных интересов не ограничивается ни регионом СВА, ни рамками АТР: не случайно документ имеет второе название «Корея глобальная».

Состоявшаяся в начале 2013 г. смена главы государства не отразилась на принципиальных основах внешнеполитического курса Республики Корея. Этого и не следовало ожидать, поскольку политику страны по-прежнему определяют умеренные консервативные круги, лидером которых в ходе президентской гонки 2012 г. стала Пак Кын Хе, известная российской аудитории прежде всего тем, что она является первой в истории Кореи женщиной, занявшей президентское кресло

---

³ Ibid. P. 14.

⁴ Ibid.

⁵ О «творческом прагматизме» внешнеполитического курса Южной Кореи подробнее см.: Толстоулаков, И.А. Стратегия национальной безопасности Республики Корея и Россия // Тихоокеанская Россия в системе международных отношений и обеспечения безопасности в АТР: опыт последних лет и грядущие перспективы. Владивосток, 2012. С. 294—298.

⁶ Данное положение закреплено в Статье 3 Конституции Республики Корея (См.: South Korea – Constitution // ICL Constitution World [Электр. ресурс]. URL: http://www.uni-wuerzburg.de/law/ks00000_.html (дата обращения: 12 ноября 2000 г.).

⁷ Global Korea. The National Security Strategy of the Republic of Korea. June 2009. Seoul: Office of the President, 2009. P. 7.

в Голубом доме, и дочерью Пак Чжон Хи — человека, который в 1960–70-х гг. определил судьбу южнокорейского государства на десятилетия.

19 декабря 2012 г. можно считать определённым рубежом в истории политической культуры Кореи: нация впервые отдала предпочтение политику-женщине, голоса 30,6 млн избирателей, участвовавших в голосовании, распределились почти поровну между кандидатами от демократических и консервативных кругов (см. табл. 1). При этом явка составила 75,8%, т.е. из 40,36 млн избирателей в голосовании участвовали 30 594 621 чел.⁸ Избиратели проявили к выборам бóльший интерес, чем на голосовании в декабре 2007 г., когда победу одержал Ли Мён Бак, а явка составила всего 63%, или в 2002 г. с участием избирателей на уровне 70,8%.

Таблица 1

**Итоги голосования на 18-х президентских выборах
в Республике Корея 19 декабря 2012 г.⁹**

Кандидат	Партийность	Итоги голосования	
		Поддержка избирателей (%)	получил голосов (количество)
Пак Кынхе	<i>Сэнуридань</i> / Новая национальная партия ¹⁰	51,6	15 773 128
Мун Джэин	<i>Тхонъиль минджудань</i> / Объединённая демократическая партия	48	14 692 632
Кан Дживон	независимый кандидат	0,17%	53 303
Ким Сунджа	независимый кандидат	0,14%	46 017
Ким Соён	независимый кандидат	0,05%	16 687
Пак Чонсон	независимый кандидат	0,04%	12 854

На наш взгляд, выпадение президентской кампании 2012 г. из намечавшейся в последние два десятилетия очевидной тенденции к снижению избирательной активности граждан является следствием участия в ней женщины, которая стала в Корею настолько популярной, что многим было интересно, сумеет ли она победить не столько в выборах, сколько в противостоянии конфуцианской политической культуре, отвергающей саму идею о возможности для женщины руководить страной.

⁸ Тонъя Ильбо. 2012. 21 декабря.

⁹ Источник: Там же.

¹⁰ В отечественной литературе ещё не закрепился перевод названия *Сэнуридань*. Дословно название на корейском языке означает «Наша новая партия»; корейское слово «нури» многозначно, его можно перевести как «мир», «община», «общность», «двор», «землячество» и т.д. В нашем понимании под «нури» здесь подразумевается общность людей, нация. Кроме того, *Сэнуридань* является политическим преемником *Ханнарадань*, название которой переводилось на русский язык как «Великая национальная партия». Предложенный нами перевод названия *Сэнуридань* как «Новая национальная партия» отражает и эту преемственность, и обновленный характер партии (сэ – «новый» по-корейски), и общность корейской нации, закреплённую понятием «нури».

Интерес отечественных и зарубежных экспертов к личности Пак Кын Хе не угасал вплоть до дня голосования. Она родилась в 1952 г. в семье южнокорейского военнослужащего, которому менее чем через десять лет суждено было стать президентом страны. С середины 1990-х гг. дочь Пак Чжон Хи становится активным участником внутривнутриполитического процесса, она дважды избиралась депутатом Национального собрания (парламента), активно работала в партийных структурах, дважды выдвигалась кандидатом в президенты от консервативных кругов, но не смогла преодолеть этапа внутривнутрипартийного отбора. Наконец, именно Пак Кын Хе в 2011–2012 гг. стала центром обновленческого движения внутри *Ханна-радань* / Великой национальной партии (ВНП), которое на предвыборном этапе закончилось трансформацией последней в *Сэнуридань* / Новую национальную партию (ННП). Обновленная консервативная партия избрала Пак Кын Хе своим лидером, что и предопределило не только её выдвижение единым партийным кандидатом, но и победу на президентских выборах 2013 г.

Как бы противоречиво ни складывалась партийная и политическая судьба Пак Кын Хе, она всегда придерживалась консервативных взглядов. Последовательная политическая позиция Пак Кын Хе как устойчивого приверженца консервативных убеждений высоко оценивалась южнокорейским обществом, но в этом прослеживается не только политическая сила нынешнего президента, но и слабость: многие эксперты отмечают недостаточную политическую гибкость Пак Кын Хе (следствие её твердой принципиальной позиции)¹¹. Помимо устойчивых политических взглядов, проверенных в различных ситуациях и на протяжении многих лет политической карьеры, среди сильных сторон южнокорейского президента называют обширный опыт политической деятельности (депутатской и партийной), высокие организаторские способности, авторитет и популярность как национального лидера. К её слабым сторонам относят неоднозначную общественную оценку деятельности отца и недостаточную политическую гибкость¹².

Характеризуя предвыборную платформу Пак Кын Хе, позволившую ей овладеть президентским креслом, следует назвать основные пункты:

- демократизация экономики и обеспечение условий для её устойчивого развития в изменяющемся мире;
- формирование креативной экономики, способной стать движущей силой национального развития и прогресса;
- обеспечение малому и среднему бизнесу «статуса» основы национальной экономики;
- формирование справедливого рынка занятости;

---

¹¹ По материалам Международного радио Кореи (далее – МРК). См.: МРК. 2012. 10 декабря [Электр. ресурс]. URL: http://rki.kbs.co.kr/src/news/news_end.asp?SerINmbr=27154 (дата обращения: 10 декабря 2012 г.).

¹² Там же.

- создание общенациональной системы социального обеспечения, прежде всего пенсионного;
- внедрение системы государственной поддержки семей с малолетними детьми;
- развитие системы образования как инструмента национального развития и средства обеспечения творчества нации;
- восстановление доверия народа к правительству через обновление политической системы страны;
- формирование режима доверительных отношений с Северной Кореей;
- обеспечение условий для безопасного и устойчивого развития нации¹³.

С начала деятельности Пак Кын Хе как главы южнокорейского государства прошло не так много времени, но некоторые выводы и прогнозы можно сделать уже сейчас. Условия, в которых новый президент приступила к своим обязанностям, оказались намного хуже, чем в ходе президентской избирательной кампании 2012 г. Конкретное наполнение внутренней и внешней политики Пак Кын Хе пришлось определять в условиях чрезвычайного осложнения межкорейских отношений. Нет необходимости доказывать, что их режим влияет практически на весь комплекс политической деятельности Сеула.

Основными направлениями внешней политики южнокорейского государства на протяжении многих десятилетий остаются:

- союзнические отношения с США;
- политическое и экономическое взаимодействие с традиционными партнерами по Северо-Восточной Азии – Японией и Китаем;
- межкорейские отношения;
- отношения с Российской Федерацией; при этом Россия определяется в Республике Корея и как региональный партнер по СВА, и как важный актор в сфере межкорейского урегулирования.

Остановимся на указанных направлениях внешней политики Южной Кореи, акцентируя внимание на уже произошедших и возможных корректировках курса.

Республика Корея и США

Сегодняшняя стратегия южнокорейского руководства по-прежнему исходит из признания традиционных связей и ориентации на США как жизненно необходимого условия для обеспечения национальной безопасности Республики Корея, поддержания регионального баланса сил в СВА и определения совместной северокорейской политики. Ради восстановления тесного партнерства, необходимость которого при либеральном руководстве ставилась под сомнение, консерваторы после прихода к власти неоднократно подчеркивали, что главной целью всего внешнеполитического курса южнокорейской администрации становится «выход Южной Кореи на такой же уровень стратегического союза с Америкой,

¹³ [Пак Кынхе]. Тэтхонънёнъ хубоджаый сонго пхырогырем // Тонъя Ильбо. 2012. 7 декабря.

каким является сотрудничество США с Японией и Австралией»¹⁴. Пак Кын Хе также признала необходимость формирования между Республикой Корея и США «стратегического союза XXI в.», предусматривающего расширение практического взаимодействия в военно-политической сфере, совместное решение задач по поддержанию безопасности на Корейском полуострове, совместное реагирование на глобальные и региональные вызовы, включая нераспространение оружия массового уничтожения, международный терроризм, неустойчивость мировой экономики, изменение климата, создание системы противоракетной обороны в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также взаимная координация политики в отношении КНР¹⁵.

Неизбежным результатом последовательно реализуемого сеульскими консерваторами курса становится коренная перестройка основ американо-южнокорейского союза. До недавнего времени США воспринимались в Республике Корея преимущественно как гарант ненападения со стороны КНДР. Теперь Сеул выходит за рамки сдерживания северокорейской угрозы: Южной Корее предстоит внести более ощутимый вклад в реализацию глобальной политики Вашингтона. Если при Ли Мёнбаке формирование подобного альянса выглядело лишь задачей на будущее, то сейчас, в условиях резко обострившихся межкорейских противоречий, союзники перешли к практике. В результате внешняя политика Республики Корея на региональной и глобальной аренах целиком и полностью зависит от реакции Вашингтона. Тесная зависимость Сеула от позиции США по принципиальным проблемам Северо-Восточной Азии ни для кого не является секретом. Военно-политическое сотрудничество двух государств на фоне развивающегося в Корее конфронтационного сценария будет только крепнуть. Робкие попытки Южной Кореи уйти от полного контроля со стороны Соединенных Штатов, которые наблюдались во времена правления либералов во главе с президентами Ким Тэджунгом и Но Мухёном в период 1997–2007 гг., сменились возвратом к традиционному тесному союзу.

Президент Пак Кынхе в силу многих причин объективно заинтересована в продолжении политического дрейфа в сторону Вашингтона. При этом нельзя не вспомнить о её предвыборной платформе, содержавшей положение об установлении доверительных отношений с Северной Кореей. Разумеется, в сегодняшних условиях этот призыв выглядит как никогда фантастическим. Усилиями Пхеньяна Корейский п-ов отброшен на 60 лет назад – к моменту окончания Корейской войны, и мирный процесс придется вновь налаживать практически с нуля. Тем не менее США и Республика Корея не усматривают со стороны КНДР реальной возможности нападения с применением ядерного оружия, однако полагают нужным приготовиться к отражению т.н. «локальных вооруженных провокаций». Во

---

¹⁴ Тонъя Ильбо. 2008. 23 апреля.

¹⁵ Пак, Кынхе. Тэханмингук тэтхонёнён чхвиимса. Чонмун = Инаугурационная речь президента Пак Кынхе. Полный текст // Чунъанъ Ильбо. 2013. 26 февр.

всяком случае, именно такую возможность находящиеся во Владивостоке южнокорейские дипломаты преподносят как самый негативный сценарий событий.

24 марта 2013 г. председатель Объединенного комитета начальников штабов вооруженных сил РК генерал Чон Сындо и главнокомандующий американскими войсками в Корее генерал Джеймс Турман подписали Совместный план борьбы с северокорейскими провокациями. Под ними подразумеваются ограниченные вооруженные конфликты в отдельно взятом районе с определёнными политическими или военными целями. Этот документ позволяет жестко реагировать, в случае если КНДР нанесет удар через северную разграничительную линию или демилитаризованную зону, и первыми ответят южнокорейские войска, а затем их поддержат американцы. Помимо американских войск, размещенных на юге Корейского п-ова, в военных действиях примут участие контингенты США в Японии и зоне Тихого океана в целом. В документе приводится список различных видов локальных провокаций и детальный план ответа на них; ограничение масштабов американского вмешательства не определено. Южнокорейская армия может рассчитывать на разведывательные и ударные возможности американских войск в Корее, их потенциал слежения и обнаружения¹⁶.

Объединенное командование надеется, что это соглашение подействует на Северную Корею отрезвляюще и удержит её от грубых провокаций, подобных обстрелу острова Ёнпхэндо в ноябре 2010 г. Кстати, подписание данного документа является ещё одним свидетельством в пользу усиления позиций южнокорейских ястребов. Они уже давно выступали за то, чтобы американская помощь, в том числе в вопросах управления войсками и разведки, приходила сразу же после нанесения первых ударов в ответ на провокацию. США же опасались отражать такую концепцию в оперативных планах, так как она создавала высокую вероятность перерастания локального конфликта в полномасштабную войну. Об этом говорили и южнокорейские умеренные силы в армейском руководстве. Теперь же действиями Пхеньяна подобный «миротворческий» аргумент с повестки дня снят. Согласно ныне действующему плану, в случае военной провокации, похожей на события на Ёнпхэндо, руководство ответными действиями берут на себя южнокорейские вооруженные силы, а американская сторона будет осуществлять всестороннюю поддержку¹⁷. Подчеркнем, что раньше, в случае возникновения локального конфликта, Сеул и Вашингтон должны были специально решать вопрос об американском вмешательстве.

Республика Корея и решение корейской проблемы

Упрочение союзнических отношений Сеула и Вашингтона во многом определяется тем, что корейская проблема в целом и каждое из корейских государств

---

¹⁶ МПК. 2013. 25 марта // WORLDKBS: информационно-новостной портал. URL: http://rki.kbs.co.kr/src/news/news_end.asp?SerINmbr=27442 (дата обращения: 27 марта 2013 г.).

¹⁷ Там же.

сегодня оказались в тупике, поскольку 1) повторять полувековой путь межкорейского урегулирования прежними маршрутами бессмысленно (сегодняшние события показывают бесплодность традиционных подходов к решению проблемы); 2) отправная точка для урегулирования проблемы в сегодняшней ситуации выглядит принципиально иной.

В таких условиях южнокорейское руководство вынуждено опираться на годами проверенную стратегию и тактику безусловного следования в русле американской политики. Мы сомневаемся в возможностях Сеула выдвинуть что-то своё и принципиально новое. Более того, для политической культуры постконфуцианского мира актуальным остается постулат о «потере лица»: любой политик вынужден заботиться о его сохранении, иначе – политическая смерть.

Как Сеул может выйти из сегодняшней ситуации, «сохранив лицо»? Это вопрос первостепенной важности для прогнозирования южнокорейской внешней политики и возможных сценариев развития ситуации на полуострове. Исходя из этих мотивов, южнокорейские власти, как это ни печально, мог бы максимально устроить сценарий, предусматривающий внешнее вторжение.

Выше говорилось, что до прихода Пак Кынхе к власти многие эксперты отмечали в качестве сильной и одновременной слабой стороны будущего президента её повышенную принципиальность. Иными словами, нынешний руководитель Южной Кореи обладает имиджем политика, выполняющего обещания и соблюдающего принципы. И это было бы замечательно, если бы не оборотная сторона принципиальности – недостаток политической гибкости. Мы не однажды видели её проявления в ходе развития внутрипартийных процессов в ВНП и её преемнице *Сэнуридань*. Мы повторяем это для того, чтобы подчеркнуть: какого бы рода шантаж не исходил из Пхеньяна, на Пак Кынхе он не подействует, она будет сохранять принципиальную позицию. А это означает, что нынешнее руководство Республики Корея: 1) ни при каких условиях не согласится на признание КНДР в качестве ядерной державы, что полностью согласуется с позицией США; 2) будет категорично настаивать на том, что любые переговоры с Северной Кореей могут начаться только при выполнении КНДР своих международных обязательств, а это значит, что именно северокорейское руководство должно «потерять лицо» и на международной арене, и в глазах собственного народа.

К чему мы пришли? Вольно или невольно Республика Корея заинтересована в том, чтобы выбор путей решения корейской проблемы сделали за неё: скорее всего в Вашингтоне, возможно в Пхеньяне или даже Пекине. Где бы ни было принято окончательное решение, каким бы образом ни обернулась ситуация, при внешнем решении Сеулу удастся «сохранить лицо». Разумеется, Южной Корее не нужен вооружённый конфликт на Корейском п-ове: худой мир лучше доброй ссоры. Но когда войну начал не ты, то и ответственность уже не на тебе, а соблазн воспользоваться её плодами и навеки войти в историю как объединитель страны очевиден.

В такой ситуации первостепенное значение приобретает вопрос, насколько сильны в южнокорейском руководстве ястребы, или реваншистские настроения? К сожалению, здесь мы можем оперировать исключительно субъективными оценками. Нам известно, что сторонников силового решения корейской проблемы в Сеуле предостаточно, известно, что при Ли Мёнбаке они вели себя намного активнее, чем при президентах-либералах. Очень тревожит принятие южнокорейским руководством концепции «упреждающего удара», но это чисто военное решение, и нам трудно его правильно оценить. Ещё более опасным является четко сформулированный в Сеуле (и политиками, и представителями общественного мнения) вывод о том, что статус-кво на Корейском п-ове утрачен безвозвратно.

Почему сегодня и южнокорейские дипломаты, и экспертное сообщество, и выразители общественного мнения активно говорят об этом? Объективно этот вывод ведет к силовому решению корейской проблемы, не является ли его всеобщее признание свидетельством того, что наблюдается дрейф в пользу этого решения? Если так, то какая его форма желательна для сеульских ястребов: чьим будет внешнее вторжение – американским или китайским? В этой сложной и весьма противоречивой ситуации успокаивает только одно: Южная Корея находится под управлением женщины-президента, и вопреки давлению ястребов она всеми путями будет избегать войны.

Кроме того, нужно сказать несколько комплиментов в адрес администрации Б. Обамы. Поведение США удивляет сдержанностью и адекватностью, складывается впечатление, что никогда раньше Вашингтон не был так заинтересован в предотвращении глобального вооруженного конфликта на Корейском п-ове, как сейчас.

Подводя итог, подчеркнем, что ситуация в межкорейских отношениях и на полуострове в целом в корне изменилась, прежде всего в оценке Сеула:

- 1) статус-кво на Корейском полуострове существенно нарушен (в мягкой оценке) или безвозвратно утрачен (в более жесткой интерпретации);
- 2) Республика Корея жизненно нуждается в упрочении военно-политического союза с США;
- 3) РК и Соединённые Штаты имеют право на более жесткую защиту общих интересов на Корейском полуострове, в том числе на «превентивные удары» южнокорейских ВС по КНДР и на автоматическое участие США в отражении локальных провокаций со стороны Северной Кореи;
- 4) шестисторонние переговоры сыграли важную роль в предшествующий период, но сегодня выглядят бесперспективными.

Ни одна из названных обновленных оценок не прибавляет уверенности в сохранении мира на Корейском полуострове и стабильного положения в СВА в целом.

Специалисты уже привыкли, что с некоторого времени Пхеньян настаивает на невозможности решения корейской проблемы мирным путем. Для основного

рупора северокорейской пропаганды – газеты «Нодон синмун» на протяжении нескольких месяцев характерны высказывания такого рода: «Только священная и справедливая война позволит положить конец политическим и военным провокациям американских и южнокорейских милитаристов. Это позволит объединить обе Кореи, что является единственным способом добиться долговременного мира на Корейском полуострове»¹⁸. Описывая сценарии возможного поведения Южной Кореи в таких условиях, мы отталкиваемся от нескольких отправных посылов, связанных с оценкой современной ситуации в КНДР и вокруг неё в Сеуле.

1) По сравнению с прошедшим десятилетием северокорейский режим выглядит чрезвычайно нестабильным. Многие внешнеполитические действия руководства КНДР объясняются необходимостью продемонстрировать силу собственному народу и возможным внутренним оппонентам. Отсюда следует практически истерическое поведение в межкорейском пространстве на протяжении последних двух-трёх месяцев.

2) Нестабильность режима связана с личностью его молодого лидера, которому явно не достаёт ни опыта, ни авторитета в глазах различных групп северокорейской элиты.

3) В правящих кругах КНДР существует несколько зон напряженности: между партийным и административным аппаратом, с одной стороны, и руководством вооружёнными силами и органами госбезопасности, с другой; между старыми аппаратчиками и относительно молодым поколением управленцев; между сторонниками и противниками жесткой ориентации на Китай, что означает принятие или отрицание возможных реформ. В любом случае, единства которое раньше обеспечивалось харизмой Ким Ир Сена или Ким Чен Ира, сегодня нет. Для правящего класса характерен нарастающий конфликт интересов, разрешение которого и определит ближайшую судьбу режима.

4) Дестабилизация правящей элиты развивается на фоне ухудшающегося социально-экономического положения. Для снятия напряжения народ прежде всего нужно накормить, а это возможно только при хорошем урожае зерновых или широкой экономической помощи извне. Климатические условия на севере полуострова в последние годы не дают реальных надежд на урожай, международная изоляция оборачивается сокращением продовольственных поставок, даже из Китая.

5) В такой ситуации власти вынуждены переводить недовольство народа в привычное внешнее русло: на происки американских и южнокорейских империалистов, предательство советских и китайских союзников, изменивших делу социализма.

Что в такой ситуации *должно* делать Южной Корее?

---

¹⁸ Нодон синмун. 2013. 16 февр. / МПК. 2013. 20 февраля // WORLDKBS: информационно-новостной портал. URL: http://rki.kbs.co.kr/src/news/news_end.asp?SerlNmbr=27398 (дата обращения: 27 марта 2013 г.).

1) Переложить решение военных проблем и ответственность за безопасность на Корейском полуострове на внешние силы – США, КНР и Россию.

2) Быть готовой умиротворить КНДР – прежде всего, накормить голодный северокорейский народ.

3) Обеспечить закрепление в общественном сознании Южной Кореи двух принципов решения корейской проблемы – *прагматизм* и *достоинство* (как отказ от материальной поддержки северокорейской армии) и *гуманизм* и *сострадание* (готовность поддержать соотечественников на Севере, даже ценой собственного благополучия).

Южнокорейские специалисты и дипломаты сегодня говорят, что условий для возврата к политике «солнечного тепла», когда в северокорейскую экономику со стороны Южной Кореи был внесен существенный вклад, больше нет. Но, как оказалось, эта поддержка далеко не всегда шла на пользу делу, а часто служила милитаризации КНДР.

Второе, о чем в Южной Корее предпочитали умалчивать, а сегодня говорят достаточно часто: оказывается, все эти годы южнокорейские власти наращивали специальный Фонд национального объединения, и сегодня он может смягчить последствия скоротечного объединения. Иными словами, был учтён опыт Германии: признавая возможность возникновения серьезных материальных и финансовых проблем в связи с объединением страны, южнокорейское руководство заботилось о создании «подушки» для их смягчения. Сегодня оно говорит, что располагает такой страховкой, что означает готовность к объединению одномоментному и скоротечному¹⁹. Совсем недавно такую готовность в Сеуле отрицали и приводили множество аргументов в пользу длительного процесса восстановления национального единства. На наш взгляд, на это следует обратить серьезное внимание.

Что же касается конкретных сценариев разрешения проблемы, в Республике Корея их рассматривается великое множество, кроме военного. Населению и зарубежным партнерам внушается мысль о невозможности полномасштабной войны в Корее. Признается лишь угроза локальных или ситуативных стычек в приграничной зоне, причина которых кроется, разумеется, не в намерении Пхеньяна идти войной на Юг, но в случайных факторах, которые в том числе могут объясняться «войной нервов».

Существует два крайних сценария. Назовем первый «умиротворением КНДР»: мировое сообщество вынуждено пойти на поводу у Пхеньяна и решится удовлетворить большинство его требований, связанных прежде всего с материальными потребностями и снятием режима международной изоляции. В принципе Сеул не против такого развития событий, хотя полагает его почти фантастиче-

---

¹⁹ МПК. 2013. 20 февр. // WORLDKBS: информационно-новостной портал.
URL: http://rki.kbs.co.kr/src/news/news_end.asp?SerlNbr=27398 (дата обращения: 27 марта 2013 г.).

ским. При этом он по понятным причинам ни при каких условиях не признает ядерных амбиций Северной Кореи.

Реализация второго сценария под условным названием «санация режима» полностью зависит от Китая: при определенных условиях КНР вводит свои войска в Северную Корею и наводит там порядок, устраняя одиозные круги, угрожающие миру и стабильности в регионе. Сегодня ситуация такова, что Южная Корея видит и такую возможность, хотя не в восторге от неё.

Между этими полярными сценариями существует множество промежуточных, но ни один из них не ведет к кардинальному и долгосрочному решению корейской проблемы. Очевидно, что она назрела настолько, что понадобится какое-то нетривиальное решение, и Южная Корея предпочтет, чтобы оно пришло извне. По крайней мере, её власти не готовы брать на себя полноту ответственности за развитие ситуации на Корейском п-ове и срыв межкорейского диалога.

Республика Корея и КНР

В результате действий Пхеньяна в очень сложной позиции оказался и его основной военно-политический союзник – КНР. Известно о существовании договорных обязательств Пекина по защите КНДР от возможных агрессивных действий со стороны вероятных противников. В своё время Китай демонстрировал готовность к такого рода действиям и даже пытался подвести под возможное военное участие в корейских делах некую историческую и научную базу. В самом начале 2000-х гг. китайские специалисты инициировали дискуссию об этнической принадлежности когурёсцев, отстаивая тезис их этнокультурной близости к ханьским корням. При определенном развитии ситуации такого рода научные выкладки могли бы послужить обоснованием защитных действий Пекина в отношении КНДР, где всегда культивировалась идея о собственном происхождении на когурёском этнокультурном фундаменте. Иными словами, КНР имеет исторические, культурные и этнические основания признать северных корейцев своими «младшими братьями» и в случае необходимости прикрыть их от внешних проблем разного рода, в том числе и от военных.

Напомним, какой негативный резонанс научные теории подобного рода имели в Южной Корее: пришлось предпринимать серьезные шаги для того, чтобы эта «научная проблема» не обернулась серьезным осложнением межгосударственных отношений Сеула и Пекина. Учёная дискуссия была заморожена и ушла в сферу «неафишируемых» исследований. Как сегодня к этому вопросу относятся в Китае, нам трудно сказать, но он остается открытым, и в любой момент дискуссия может возобновиться.

В то же время полагаем, что сейчас для КНР важнее всего не будировать проблему, а снижать накал страстей в межкорейских отношениях. Действия Северной Кореи, преднамеренно или нет, вредят региональным интересам КНР. Пхеньян «подставляет» своего единственного союзника, поскольку результатом

этой долгой и нервной ситуации может стать гонка вооружений в США. (Впрочем, она уже начинается: достаточно ознакомиться с теми ответными мерами, которые Вашингтон предпринимает для защиты своих союзников).

На протяжении многих лет и Пекин, и Москва убеждали региональных партнеров в том, что нет повода разворачивать региональную систему ПРО в США, что угрозы Пхеньяна не имеют под собой никаких оснований и т.п. Сегодня ни Вашингтон, ни Токио, ни Сеул таких аргументов уже не примут. Результатом может стать реализация многих военных программ на Корейском п-ове и в АТР в целом, что вряд ли соответствует интересам государств Северо-Восточной Азии. Отдают ли себе отчет в этом северокорейские лидеры? Допускаем мысль, что они целенаправленно провоцируют такое развитие обстановки, исходя из своих сиюминутных интересов. У нас есть серьезные опасения по поводу готовности КНР в такой ситуации снова взять на себя ответственность за ход и успех шестисторонних переговоров. В последнее время МИД РФ выдвигает предложение о их возобновлении, но Пекин пока молчит, и на наш взгляд, это молчание вполне обоснованно.

Выше говорилось о том, что Республика Корея занимает настороженно оптимистическую позицию в оценке перспектив вооруженного конфликта на полуострове: официальный Сеул постоянно подчеркивает, что не верит в нацеленность Пхеньяна на полномасштабную новую войну. Такой подход к оценке ситуации согласуется с мнением российского экспертного сообщества, но отличается от взглядов китайских коллег.

В конце марта 2013 г. была обнародована позиция профессора Института международных стратегических исследований при Партшколе ЦК КПК Чжан Ляньгуя, который признан в КНР одним из ведущих экспертов по Корее. Обратим внимание, что это не только ученый, но фигура весьма близкая к официальному Пекину. В его оценке вероятность серьезного вооруженного конфликта на Корейском полуострове высока: «...не менее 70%, а если отказаться от вынужденного оптимизма вероятность войны составляет 70–80%». Главная опасность заключается в том, что северокорейский лидер и его окружение убеждены: «...можно использовать сложившиеся обстоятельства ради силового объединения Кореи». Пессимизм китайского специалиста основан на том, что ни сыну, ни внуку не удалось воплотить в жизнь посмертное завещание основоположника КНДР – объединить страну при жизни нынешнего поколения. Ким Чен Ын стоит перед великим соблазном войти в историю как объединитель Родины, и тогда все его сегодняшние проблемы и осложнения останутся в прошлом. «Чем дольше откладывают решение корейской проблемы, тем сложнее будет становиться ситуация», — подчеркивает профессор Чжан Ляньгуй и призывает руководство КНР серьезно обдумать свою роль в поиске подходов к урегулированию проблемы²⁰.

---

²⁰ МПК. 2013. 25 марта // WORLDBKS: информационно-новостной портал.

URL: http://rki.kbs.co.kr/src/news/news_end.asp?SerlNbr=27445 (дата обращения: 27 марта 2013 г.).

Оценивая китайское направление южнокорейской политики, нужно учитывать озабоченность РК нарастающим влиянием КНР в Северо-Восточной Азии и АТР. Как и Япония, Республика Корея опасается регионального доминирования КНР и воспринимает Россию в качестве возможного противовеса. В интересах Южной Кореи поддерживать формальное положение России как серьезного партнера по СВА и АТР, это способствует достижению Республикой Кореей стратегического баланса в отношениях с ключевыми игроками – КНР и США. При этом сближение Российской Федерации и КНР (в том числе в рамках ШОС) весьма тревожит южнокорейских лидеров, прежде всего с точки зрения военно-политической составляющей регионального межгосударственного взаимодействия. И на этом поле у России сохраняются возможности политического маневра в отношениях с Южной Кореей и другими странами АТР.

Республика Корея и Россия

Стратегия РК, нацеленная на поддержание сбалансированных отношений с Россией, определяет взаимодействие в трёх основных направлениях:

- политическое взаимодействие;
- экономическое и техническое сотрудничество;
- решение корейской проблемы.

Это прописано в концепции национальной безопасности Республики Корея и со всей очевидностью проявляется в прагматичном подходе наших южнокорейских партнеров к конкретным проблемам российско-корейских отношений.

Политическое взаимодействие

На рубеже XX–XXI вв. политическим кредо южнокорейских руководителей стала «задача обретения новой международной самоидентификации»²¹, Республика Корея формировала имидж сильного и самостоятельного игрока на международной арене, свободного от оков традиционных союзнических отношений с США. Сегодня подобная политика признана ошибочной, попытка проведения независимого внешнеполитического курса оценивается как бесполезная трата ресурсов и национального потенциала, первое десятилетие текущего века оценивается не иначе как «потерянное десятилетие»²². Очевидно, что теперь Сеул исходит из убеждения в том, что претензии Южной Кореи на роль самостоятельного игрока в мировой политике оказались неудачными. Не отказываясь от перспективной цели повысить статус страны на международной и региональной арене, Республика Корея вновь предпочитает опираться на союз с США, способствующий усилению её значимости.

Некоторое время назад Россия могла использовать в своих целях осторожные, но целенаправленные попытки Южной Кореи уйти от контроля со стороны

---

²¹Воронцов, А.В. Южная Корея в поисках баланса // Россия в глобальной политике. 2008. № 6. С. 28.

²² Ли, Мён Бак. Чудес не бывает. Сеул, 2009.

Вашингтона, но сегодня этот ресурс утрачен. Дрейф Сеула в сторону традиционного союза с США сказывается на ослаблении политического взаимодействия с Россией. Ситуацию, складывающуюся сегодня в отношениях между Россией и Республикой Корея, мы можем оценить как неоднозначную.

Южнокорейские лидеры осознают стремление России восстановить экономическое и политическое присутствие в АТР, при этом они допускают необходимость активного влияния нашей страны на корейскую проблему (прежде всего – на «умиротворение» Пхеньяна), а также готовы видеть в России противовес китайскому влиянию в регионе. Устойчивый характер отношений России с КНДР, повышение её возможной роли в межкорейском взаимодействии и нарастание региональных противоречий Республики Корея с КНР объективно служат интересам нашей страны, обуславливая повышение значимости России для Северо-Восточной Азии.

Экономическое и техническое сотрудничество

В последнее время Сеул возлагает на Россию серьезные экономические надежды. В русле прагматического подхода к проблемам межгосударственного сотрудничества с Россией взаимодействие с нашей страной рассматривается как создание условий для стабильного обеспечения национальной южнокорейской экономики энергоресурсами и минеральным сырьем. При этом учитывается также и возможность расширения экспорта в Россию южнокорейских товаров и услуг.

Обеспечением такого подхода заняты не только экономические ведомства Республики Корея, но и президентская администрация, министерство иностранных дел, другие правительственные структуры, достаточно далекие от экономики и торговли. Перед российской стороной настойчиво ставятся вопросы об участии южнокорейского бизнеса в реализации перспективных энергетических и сырьевых проектов на территории России. Складывается впечатление, что одним из приоритетов российской политики Сеула становится получение Южной Кореей положения ключевого партнера России в США, особенно в энергетической сфере. Бесперебойное обеспечение энергоресурсами на выгодных для Кореи условиях является неотъемлемой и важной составляющей национальной безопасности южнокорейского государства и его растущей экономики; и здесь мы видим достаточно перспективное и обширное поле для политических маневров Российской Федерации. Однако приходится признать, что нынешняя стратегия Сеула существенно и, главное, искусственно сужает оговоренные ранее направления и перспективы двусторонних отношений.

Лидеры двух стран неоднократно вели речь об установлении «многостороннего доверительного партнерства»²³, позволявшего несколько лет назад серьезно говорить о широком поле сотрудничества, в том числе в области высоких техно-

---

²³ Материалы московского саммита 2004 г. (Тонъя Ильбо. 2004. 1 окт.).

логий, космоса, инфраструктуры и т.д. Сегодня свыше 90% российского экспорта в Южную Корею приходится на энергоносители, сырье и металлы. Получается, что «прагматизм» южнокорейских властей превращает Россию в энергетическую и сырьевую базу Республики Корея, и это в свою очередь автоматически влечет снижение уровня межгосударственного взаимодействия. Возможность реально изменить ситуацию в ближайшее время выглядит весьма пессимистичной, прежде всего потому, что южнокорейская сторона заинтересована именно в таком варианте сотрудничества с Россией.

Под «стратегическим партнерством» с Россией понимается политическое сопровождение усилий южнокорейских деловых кругов, обеспечивающих и облегчающих доступ к российским природным ресурсам, в первую очередь углеводородному сырью Сибири и Дальнего Востока. При этом не следует забывать о попытках наших южнокорейских партнеров обеспечить себе выгодные конкурентные условия по сравнению с соседями по СВА – Китаем и Японией.

Республика Корея признает не только сырьевые или энергетические ресурсы России, на экспертном уровне обсуждаются различные варианты сотрудничества в сельском хозяйстве (обеспечение продовольственной безопасности в рамках АТЭС), закупках вооружения, развитии трудовых ресурсов, наконец, в совершенствовании и развитии транспортной системы СВА, включая межкорейские инфраструктурные проекты и освоение северного морского пути. Однако, по мнению южнокорейской стороны, современные российские реалии (особенно неразвитость законодательных гарантий для иностранных партнеров, засилье чиновно-бюрократического аппарата, коррупционные опасения) практически нивелируют возможность их взаимовыгодной эксплуатации.

В условиях безоговорочного приоритета партнерства с США надежды на взаимодействие России с Южной Кореей на более высоком уровне выглядят иллюзорными. В силу этой причины координация в актуальных международных и региональных вопросах между Россией и Республикой Корея возможна только в тех сферах, где в этом в первую очередь нуждается сам Сеул: например, для решения корейской проблемы, возобновления шестистороннего диалога и т.п. Но и в этом случае южнокорейские партнеры в целом будут придерживаться принципиальной линии, согласованной с США. Вне проблематики Корейского п-ова обстоятельной политической повестки дня для двустороннего российско-южнокорейского формата, к сожалению, нет.

Единственное поле, на котором Россия пока ещё может разыгрывать южнокорейскую карту в противовес Вашингтону, заключается в планах США создать систему противоракетной обороны в АТР. Несмотря на очевидную проамериканскую направленность внешней политики, Республика Корея занимает осторожную позицию относительно создания региональной системы ПРО. Сеул опасается очевидных последствий: помех на пути создания новой модели отношений на Корейском полуострове, а также возможных осложнений в отношениях с КНР. В

то же время действия КНДР в первой половине 2013 г. провоцируют гонку вооружений в СВА и дают Вашингтону возможность предпринять ответные меры для защиты своих союзников – Японии и Южной Кореи, в том числе и развертывание региональной системы ПРО, а также других военных программ на Корейском п-ове и в СВА в целом, что в корне противоречит интересам России. Позиция Сеула в этом вопросе сегодня выглядит неопределенной как никогда ранее.

Решение корейской проблемы

О том, что Россия воспринимается в Сеуле как важный ресурс для улучшения межкорейских отношений и решения корейской проблемы в целом, говорилось неоднократно.

Южнокорейские специалисты и дипломаты часто говорят о невозможности возврата к политике *«солнечного тепла»*, а также подчёркивают, что вклад в северокорейскую экономику со стороны Южной Кореи послужил милитаризации КНДР²⁴. Президент Пак Кын Хе в последнее время настойчиво повторяет, что её администрация готова к возобновлению межкорейского диалога, но на основе *«здравого смысла и международных норм»*²⁵. Очевидно, что условия для такого диалога должны создать союзные Пхеньяну государства: Россия и КНР, на которые перекладывается ответственность не только за «умиротворение» северокорейских лидеров, но и за судьбу народа, который нужно, в первую очередь, накормить. России и КНР отводится роль главных доноров для материальной поддержки населения КНДР, а также самая сложная задача – убедить Пхеньян вернуться к режиму шестисторонних переговоров и возобновить межкорейский диалог.

Мы должны констатировать факт, что Россия объективно вынуждена довольствоваться ролью статиста, поскольку время, когда она могла влиять на развитие ситуации на Корейском п-ове, упущено. Единственное, что можно и пора начинать делать – продумывать политику в отношении будущей единой Кореи. Следует прогнозировать ситуации, с которыми очевидно столкнется наша страна в ближайшем будущем, и определяться с тем, каким образом можно обеспечить позитивный нейтралитет единой Кореи в отношениях с Россией.

---

²⁴ Международное радио Кореи. 16 февр. 2013 г. // WORLDKBS: информационно-новостной портал. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_IK_detail.htm?lang=r&id=IK&No=30987&current_page=3 (дата обращения: 22 февраля 2013 г.).

²⁵ Международное радио Кореи. 12 июня 2013 г. // WORLDKBS: информационно-новостной портал. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_IK_detail.htm?lang=r&id=IK&No=31084&current_page=2 (дата обращения: 18 июня 2013 г.).

Новое прочтение тихоокеанской политики России

Виктор Лаврентьевич Ларин,
д-р ист. наук, проф., директор ИИАЭ ДВО
РАН

По известным причинам, возвращение на пост президента страны В.В. Путина не привело (да и не могло привести) к принципиальному изменению характера и содержания внешней политики России. Во время пребывания на посту главы правительства он постоянно держал руку на пульсе внешней политики, не прерывал связей с зарубежными коллегами и готовился к возвращению в клуб мировых лидеров.

Неудивительно, что одним из первых актов вновь избранного президента стал указ «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации», подписанный им в день вступления в должность – 7 мая 2012 г. Указ предписывал Министерству иностранных дел РФ, в том числе, разработать до декабря 2012 г. новую редакцию Концепции внешней политики Российской Федерации.

Нормативно-правовая база политики

15 февраля 2013 г., представляя новую Концепцию членам Совета безопасности РФ, В. Путин сделал акцент на неизменности основных принципов внешней политики РФ, положенных в основу концепции: *«прежде всего открытость, предсказуемость, прагматизм, нацеленность на достижение и отстаивание национальных интересов, безусловно, без всякой конфронтации»*¹. Эти принципы в полной мере соответствуют базовым элементам внешнеполитической доктрины В. Путина, сформировавшейся ещё в начале его первого срока пребывания на посту президента: мир должен быть многополярным; Россия – великая держава; приоритет национальных задач как основа внешней политики; принципы внешней политики – независимость, самостоятельность, прагматизм, экономическая эффективность; цель политики – интеграция России в мировую экономику.

Концепция внешней политики 2013 г.,² как и ее предшественница 2008 г.,³ декларирует *«многовекторный характер»* внешнеполитического курса России.

---

¹ Совещание с членами Совета Безопасности. 15 февраля 2013 г.
URL: <http://kremlin.ru/transcripts/17520>.

² Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.
URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F.

³ Концепция внешней политики Российской Федерации 2008 г. Утверждена Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым 12 июля 2008 г.
URL: <http://www.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml#>.

При этом одна из главных дилемм, которую пока никак не может решить российская власть – это найти свое место между Европой и Азией. Концепции внешней политики России 2000 и 2008 гг. позиционировали Россию как *«крупнейшую евразийскую державу»*. В новой редакции такое определение отсутствует, зато появились положения о важности *«формирования Евразийского экономического союза»* как *«связующего звена между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом»*.

Раздел Концепции, посвященный АТР, начинается с тезиса о *«возрастающем значении»*, которое *«приобретает укрепление позиции России (выделено мной. – В.Л.) в Азиатско-Тихоокеанском регионе»*, и объясняется это значение *«принадлежностью нашей страны к этому самому динамично развивающемуся геополитическому пространству»*. При этом, однако, *«самому динамично развивающемуся геополитическому пространству»* в перечне региональных приоритетов России отводится лишь пятое место, не только следом за СНГ, Европой, США, что традиционно повторяется с первой Концепции внешней политики РФ 1993 г., но и теперь уже после Арктики и Антарктики. Любопытно при этом, что в Указе президента *«О мерах по реализации внешнеполитического курса РФ»* от 7 мая 2012 г. в списке региональных приоритетов АТР находился на третьем месте (вслед за СНГ и Европейским Союзом). Вопрос о том, кто автор этой корректировки, остается открытым.

В феврале 2011 г. в статье, опубликованной в газете *«Московские новости»*, ещё в статусе главы правительства России В. Путин, как бы включаясь в затянувшуюся дискуссию о месте России в мире, выразил свою точку зрения: *«Россия — неотъемлемая, органичная часть Большой Европы, широкой европейской цивилизации»*. Там же будущий президент определил магистральный курс Российского государства: *«к созданию от Атлантики до Тихого океана единого экономического и человеческого пространства — общности, называемой российскими экспертами «Союзом Европы», который только укрепит возможности и позиции России в ее экономическом повороте к «новой Азии» и предложил «поработать в пользу создания гармоничного сообщества экономик от Лиссабона до Владивостока»⁴*. Вот и в Концепции–2013 Россия объявляется *«неотъемлемой, органичной частью европейской цивилизации»*, а ее основной задачей в отношениях с Европейским союзом провозглашено *«продвижение к созданию единого экономического и гуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана»*.

Место и роль России в этом пространстве, исходя из Концепции–2013, достаточно скромны: *«ключевое транзитное направление по обеспечению торгово-экономических связей между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом»*. При этом из новой концепции исчезла достаточно фантастическая задача преды-

---

⁴ Путин В.В. *Россия и меняющийся мир* // Московские новости. 2011 г. 27 февр. URL: <http://premier.gov.ru/events/news/18252/>.

дущего документа, нацеливавшего на создание *«системы общерегиональной коллективной безопасности и сотрудничества, обеспечивающей единство Евро-Атлантического региона – от Ванкувера до Владивостока»*.

Таким образом, энтузиазм по поводу скорой интеграции России в Азиатско-Тихоокеанский регион следует померить. **Европоцентризм в российской политике по-прежнему доминирует.** Несмотря на длительные и активные разговоры о необходимости интеграции России в экономику АТР, Концепция–2013 высказывается на этот счёт весьма осторожно и декларирует лишь *«заинтересованность»* России *«в активном участии в интеграционных процессах»* в регионе и не более того. Такую формулировку следует признать отражением реальности. На большее сегодня Россия претендовать просто не в состоянии.

В то же время заметное внимание, существенно большее, чем в предыдущей концепции, уделено проблемам обеспечения безопасности в АТР. Вероятно, сыграла свою роль жесткая критика в адрес разработчиков Стратегии национальной безопасности РФ 2009 г., в которой Азиатско-тихоокеанскому региону места вообще не нашлось.

Подходы к теме безопасности в обеих Концепциях мало чем различаются. И там, и тут говорится о необходимости оздоровления военно-политической обстановки в Азии, *«где сохраняется значительный конфликтный потенциал, нарастают военные арсеналы, увеличивается опасность распространения оружия массового уничтожения»*. Но если в первой из них действия России сводились лишь к *«деятельному участию» «в поисках политического решения ядерной проблемы Корейского полуострова»*, поддержании *«конструктивных отношений с КНДР и Республикой Корея»* и в абстрактном *«укреплении безопасности в Северо-Восточной Азии»*, то Концепция–2013 уже декларирует активность России в различных региональных объединениях (прежде всего, на площадке Восточно-азиатского саммита), принятии мер *«по формированию в Северо-Восточной Азии эффективных механизмов укрепления мира, безопасности, взаимного доверия и взаимовыгодного сотрудничества как регионального компонента новой архитектуры безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе»* и в конечном счете – создание в АТР *«транспарентной и равноправной архитектуры безопасности и сотрудничества на коллективных началах»*.

С незначительными вариациями идея такой «архитектуры» появилась в ряде двусторонних соглашений России со стратегическими партнерами в Азии. В течение последнего года она зафиксирована в Совместных заявлениях, опубликованных по итогам переговоров В. Путина с президентом СРВ Чьонг Тан Шангом⁵, Премьер-министром Республики Индия М. Сингхом⁶ и Председателем КНР

---

⁵ Совместное заявление об укреплении отношений всеобъемлющего стратегического партнерства между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам. 27 июля 2012 г. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1279.

Си Цзиньпином⁷. Напомню, что сама концепция была озвучена в сентябре 2010 г. на встрече Д. Медведева и Ху Цзиньтао, которые и высказались за создание в АТР *«открытой, транспарентной и равноправной архитектуры безопасности и сотрудничества, основанной на принципах международного права, внеблоковых началах и учете законных интересов всех сторон»*⁸.

Пока не ясно, как в создание такой архитектуры безопасности вписываются проходившие в Японском море с 8 по 10 июля 2013 г. крупномасштабные российско-китайские учения «Морское взаимодействие», которые ещё более «подогрели существующие в США опасения об антиамериканской оси между двумя авторитарными великими державами»⁹, и ширококомасштабные учения Восточного военного округа у российско-китайской границы и на Сахалине в середине июля, да ещё и с участием президента России. Известный своими алармистскими и антикитайскими заявлениями А. Храмчихин со всей откровенностью заявил, что «наземная часть учений направлена против Китая, а морская и островная – против Японии»¹⁰. Не удивительно, что это откровение растиражировали многие СМИ на Западе и Востоке.

Еще один важный тезис концепции связан с ситуацией на Корейском п-ове. В упомянутой выше статье в «Московских новостях» В. Путин писал о неприемлемости для России ядерного статуса КНДР. Концепция–2013 подтвердила приверженность России безъядерному статусу Корейского п-ова и её готовность *«всемерно содействовать последовательному продвижению этого процесса на основе соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН, в том числе в рамках шестистороннего переговорного формата»*. Россия остается приверженцем мирного решения корейской проблемы и главным его инструментом видит Шестисторонние переговоры.

---

⁶В заявлении говорится том, что *«Россия и Индия считают важным добиваться создания... транспарентной, открытой, всеобъемлющей и сбалансированной архитектуры неделимой безопасности и равноправного сотрудничества»* // Совместное заявление по итогам официального визита в Республику Индию Президента Российской Федерации В.В. Путина «Партнерство во имя взаимного процветания и лучшего мироустройства». 24 декабря 2012 г. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1369.

⁷*«...Россия и Китай считают приоритетной задачей формирование в АТР открытой, транспарентной, равноправной и инклюзивной архитектуры безопасности и сотрудничества»* / Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о взаимовыгодном сотрудничестве и углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия. 22 марта 2013 г. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1423.

⁸ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о всестороннем углублении российско-китайских отношений партнерства и стратегического взаимодействия. 27 сентября 2010 г. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/719.

⁹ Mankoff J. The Wary Chinese-Russian Partnership // The New York Times. 2013. July, 12. 2013.

¹⁰ URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-europe-23327158>.

Векторы российской политики

КНР

На азиатском направлении внешней политики Китай для России является главным приоритетом, тем более что, по убеждению российского президента, *«российско-китайские отношения находятся на подъёме и переживают лучший период за свою многовековую историю»*¹¹. Неудивительно, что по уже устоявшейся традиции¹², первый официальный зарубежный визит в качестве президента В. Путин совершил в КНР менее чем через месяц после вступления в должность, в начале июня 2012 г. Результатом поездки стали Совместное заявление «О дальнейшем углублении российско-китайских отношений всеобъемлющего равноправного доверительного партнёрства и стратегического взаимодействия» и полтора десятка соглашений, протоколов и меморандумов.

Переговоры показали, что основой отношений стратегического партнерства между Россией и Китаем по-прежнему остаются схожие подходы к общим принципам современного и будущего мироустройства и многим проблемам глобальной политики. *«Наши позиции близки, созвучны, и главное, что мы вышли на высокий уровень координации»*, – так президент России охарактеризовал результаты переговоров в июне 2012 г.¹³

В Концепции–2013 отношения с Китаем обозначены соответственно формулой, выраженной в Совместном заявлении от 5 июня 2012 г.: как *«всеобъемлющее равноправное доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие»*. В Концепции 2008 г. присутствовало более скромное *«стратегическое партнерство»*. Видимо, таким образом было решено прикрыть тему «недостаточного уровня политического доверия», мелькавшую во многих документах и речах китайских политиков последнего десятилетия, и обозначить содержание и направление китайской политики России.

Из новой версии Концепции внешней политики России исчезла присутствовавшая в прежнем документе задача *«приведения объема и качества»* российско-китайского экономического взаимодействия *«в соответствие с высоким уровнем политических отношений»*. Нет её и в текстах последних коммюнике и совместных заявлений. Видимо, предполагая безуспешность попыток изменить характер экономических отношений между двумя странами, в Кремле уже избегают ставить задачи изменения их структуры и качества, ограничиваясь общими фразами

---

¹¹Путин В. В. Интервью информационному агентству ИТАР-ТАСС. 22 марта 2013 г. URL: <http://news.kremlin.ru/news/17723>.

¹² Первые официальные зарубежные визиты в качестве избранных Президентов РФ В. Путин (июль 2000 г. и октябрь 2004 г.) и А. Медведев (май 2008 г.) также совершали в Китай. Аналогичный жест сделал Си Цзиньпин, который приехал в Москву уже через неделю после избрания его Председателем КНР, 22 марта 2013 г.

¹³ Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров. Пекин. 5 июня 2012 г. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/15552>.

о необходимости делать *«всё возможное для дальнейшего развития торгово-экономического взаимодействия, гуманитарных и других связей»*¹⁴. В результате в итоговом документе последнего российско-китайского саммита, состоявшегося в Москве в марте 2013 г., появилась, видимо, устраивающая обе стороны абстрактная «стратегическая задача» в области двусторонних связей: *«конвертация достигнутого уровня политических отношений в результаты практического сотрудничества в экономической, гуманитарной и других сферах»*¹⁵.

Результатом «практического сотрудничества» стала многомиллиардная нефтяная сделка Москвы и Пекина, которая, похоже, удовлетворила обе стороны. 21 июня 2013 г. в присутствии В. Путина и первого вице-премьера Госсовета КНР Чжан Гаоли председатель правления НК "Роснефть" И. Сечин и президент Китайской национальной нефтегазовой корпорации (CNPC) Чжоу Цзипин подписали долгосрочные соглашения по экспорту нефти в КНР. Контракт предусматривает поставку в КНР в течение 25 лет около 360 млн т нефти на сумму в 270 млрд долл. В результате в ближайшие пять лет Китай превратится в крупнейшего покупателя российской нефти в мире.

Обратная сторона этой сделки заключается в том, что по мере того, как Россия стремится сокращать вывоз сырой нефти и наращивать экспорт нефтепродуктов, нефтяной контракт с Китаем закрепляет за Россией статус простого поставщика сырья. На заседании круглого стола «Саммит энергетических компаний: изменения на мировых нефтяных рынках», состоявшемся в рамках Петербургского международного экономического форума и на следующий день после заключения этой мегасделки с Китаем, В. Путин провозгласил начало «новой эры» международного сотрудничества России в энергетике. Суть «новой эры» заключается в том, что *«во взаимодействии со стратегическими партнёрами мы переходим от чисто сырьевых поставок к полномасштабному сотрудничеству в производственно-технологической сфере»*¹⁶. Хотя "Роснефть" и будет, вроде бы, участвовать в строительстве Тяньцзиньского НПЗ, но к Китаю это, похоже, не относится.

В традиционном ключе, преимущественно через призму разработки сырьевых ресурсов в России и экспорта их в КНР, рассматривается взаимодействие с Китаем в Программе развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2025 г., утвержденной правительством России в марте 2013 г.

Похоже, что использование потенциала АТР как источника модернизации российской экономики, о чем также немало говорится в последнее время в Крем-

---

¹⁴ Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров. 22 марта 2013 г. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/17728>.

¹⁵ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о взаимовыгодном сотрудничестве и углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия. 22 марта 2013 г.. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1423.

¹⁶ Встреча с руководителями энергетических компаний. Санкт-Петербург. 21 июня 2013 г. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/18382>.

ле, к КНР не относится. Достаточно того, что *«отношения между Россией и Китаем достигли беспрецедентно высокого уровня, стали примером гармоничного сосуществования великих держав»*¹⁷. За счет растущего экспорта российской нефти будет в определенной степени выполнена задача *«доведения объемов двусторонней торговли к 2015 г. до уровня 100 млрд долл. в США и к 2020 г. – 200 млрд долл.»*, и Россия вместе с Китаем смогут сосредоточиться на работе *«по совместному укреплению мира, обеспечению стабильности, развития и процветания, построению более справедливого, демократического и гармоничного миропорядка»*¹⁸.

Япония

Концепция внешней политики РФ 2013 г. закрепляет курс на *«динамичное развитие добрососедских многоплановых отношений»* с Японией. Отличие от *«отношений добрососедства и созидательного партнерства»* Концепции–2008 – чисто стилистическое. Добавился тезис о необходимости взаимодействовать на международной арене, и, конечно, *«продолжение диалога о путях взаимоприемлемого решения неурегулированных вопросов»*.

В переговорах с японской стороной российские политики продолжают делать акцент на развитии экономических связей, всячески подчеркивая их перспективы для обеих сторон. Примером может служить заявление В. Путина на встрече со спецпредставителем японского правительства, бывшим премьер-министром Японии Ёсиро Мори 21 февраля 2013 г.: *«В целом у нас очень успешно развиваются отношения в экономике – это и автомобилестроение, и фармацевтика, и энергетика, и лесопереработка. Япония получает уже, по-моему, 10 процентов сжиженного газа, который производится на территории России. Можно подумать о развитии сотрудничества в области сельского хозяйства»*¹⁹.

Внешние условия, в которых сегодня оказалась Япония, фактически вынудили её согласиться с предложениями российской стороны о переносе акцента с обсуждения проблемы Курильских островов на вопросы экономического взаимодействия и подписания мирного договора. Токио, где серьезно обеспокоены ростом мощи и влияния Китая в мире и регионе, усилением его позиций в Тихоокеанской России, и надеются на готовность Путина пойти на компромисс в решении проблемы «Северных территорий», вынужден смягчить свою позицию в территориальном споре. В результате на переговорах между В. Путиным и Синдзо Абэ в конце апреля 2013 г. в Москве стороны согласились возобновить переговоры по заключению мирного договора, фактически прервавшиеся еще в 2001 г.

---

¹⁷ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о взаимовыгодном сотрудничестве и углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. 22 марта 2013 г. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1423.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Встреча с Ёсиро Мори URL: <http://kremlin.ru/transcripts/17560>.

США

Отношения с США рассматриваются в России исключительно в контексте глобальной или евро-атлантической политики. В тихоокеанской повестке дня в отношениях между Россией и США стоит лишь проблема Северной Кореи. Эта тема оказалась единственной²⁰, вошедшей в Совместное заявление по результатам встречи В. Путина и Б. Обамы на Саммите G-8 в июне 2012 г. (Мексика). Обсуждалась она и на очередной встрече аналогичного формата в июне 2013 г. (Ирландия). Очевидно, что подходы сторон к проблеме КНДР не во всем совпадают, но «точки соприкосновения» находятся, и готовность «усилить взаимодействие по всем этим направлениям» стороны проявили²¹.

Страны Корейского полуострова

Первая путинская Концепция внешней политики России 2000 г. сообщала о том, что усилия России «будут сосредоточиваться на... поддержании сбалансированных отношений с обоими корейскими государствами»²². Концепция–2008 делала упор на «поддержании конструктивных отношений с КНДР и Республикой Корея, на поощрении диалога между Пхеньяном и Сеулом». Новый документ более пространен: он сообщает, что Россия нацелена на поддержание «дружественных, основанных на принципах добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества отношений с Корейской Народно-Демократической Республикой и Республикой Корея». При всех нюансах в оценке характера отношений с корейскими государствами в этих документах они рассматриваются главным образом через призму межкорейского политического урегулирования и поддержания региональной безопасности. В то же время констатация «дружественных отношений» с Пхеньяном дает понять, что Кремль заинтересован в сохранении КНДР как независимого государства. Южная Корея, с которой у России нет политических противоречий (если не считать таковыми её союзнические отношения с США), рассматривается в Москве как потенциальный инвестор и потребитель российского сырья.

Контактов на высшем уровне с политическим руководством двух Корей за последний год не отмечено, за исключением направленного В. Путиным поздравления Пак Кын Хе по случаю её избрания на пост президента Республики Корея.

---

²⁰ Совместное заявление Президента Российской Федерации В.В.Путина и Президента Соединенных Штатов Америки Б.Обамы. Лос-Кабос, 18 июня 2012 г. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1244.

²¹ Встреча с Президентом США Бараком Обамой. 17 июня 2013 г. Лох-Эрн. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/18355>.

²² Концепция внешней политики Российской Федерации 28 июня 2000 г. / Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002. Хрест. в 4-х т. Т. 4. Документы. М.: РОСПЭН, 2002. С. 120.

Южная и Юго-Восточная Азия

Две последние Концепции внешней политики РФ в равной степени декларируют развитие дружественных отношений с Индией, *«упрочение взаимодействия по актуальным международным проблемам и укрепление взаимовыгодных двусторонних связей во всех областях, прежде всего в торгово-экономической сфере»*, а также *«эффективного внешнеполитического и экономического сотрудничества в формате Россия – Индия – Китай»*. Специфика последней Концепции в том, что она вводит понятие *«привилегированного стратегического партнерства с Индией»*, зафиксированное в Совместной российско-индийской декларации от 24 декабря 2012 г.²³

Суть этой привилегированности не расшифровывается, но она, видимо, заключается в тесном сотрудничестве России и Индии в военно-технической области: совместной работе по созданию истребителя пятого поколения, многоцелевого транспортного самолета, сверхзвуковой ракеты «БраМос» и др., а также в том, что в структуре двусторонних экспортно-импортных обменов преобладают, по утверждению российского президента, высокотехнологичные товары – примерно 50% с обеих сторон²⁴. Для России такая структура внешнеэкономических связей явно нетипична и, естественно, «греет душу».

В Юго-Восточной Азии главным партнером России остается Вьетнам. Визит президента Вьетнама Чыонг Тан Шанга в Россию в июле 2012 г. завершился принятием Совместного заявления об укреплении отношений всеобъемлющего стратегического партнёрства, которое предусматривает расширение двустороннего взаимодействия в различных областях и на международной арене.

Помимо Вьетнама, с которым Россия, согласно Концепции–2013, намерена *«углублять стратегическое партнерство»*, другие страны ЮВА в документе не представлены. В прежней концепции упоминались Индонезия, Малайзия, Таиланд, Филиппины и Сингапур. В новой предполагается *«интенсификация отношений с Австралией и Новой Зеландией, поддержание регулярных контактов и налаживание связей с островными государствами южной части Тихого океана»*.

Тихоокеанская Россия

Уже не раз упомянутый выше указ от 7 мая 2012 г. обосновывает необходимость участия России в региональных интеграционных процессах с целью *«содействия ускоренному социально-экономическому развитию регионов Восточной*

---

²³ Совместное заявление по итогам официального визита в Республику Индия президента Российской Федерации В.В. Путина «Партнерство во имя взаимного процветания и лучшего мироустройства». 24 декабря 2012 г. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1369.

²⁴ Заявления для прессы по итогам переговоров с премьер-министром Индии Манмоханом Сингхом. 24 декабря 2012 г. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/17183>.

*Сибири и Дальнего Востока»*²⁵. Более развернуто эта мысль выражена в выступлении президента России на президиуме Госсовета в ноябре 2012 г., посвященном ситуации на Дальнем Востоке. *«Мы должны, – заявил В. Путин, – в полной мере использовать соседство с такими крупными, развивающимися регионами мира и с крупными странами, которыми являются страны Азиатско-Тихоокеанского региона, использовать как для подъема самих дальневосточных территорий, так и для России в целом...»*²⁶.

На последнем, пожалуй, стоит сделать главный акцент: ключевой задачей и одновременно головной болью российской власти остается поиск средств и путей ускоренного развития Тихоокеанской России. Но это не самоцель. Развитость этого региона рассматривается сегодня в Москве как неотъемлемое условие решения более масштабной генеральной задачи – **обеспечить будущее российско-го государства**. Как заявил на том же заседании президиума Госсовета президент России, *«наша страна сможет успешно двигаться вперед только при условии качественного и динамичного развития этих территорий. ... Мы должны обеспечить ускоренное, устойчивое развитие этих территорий, с тем, чтобы и сами эти территории развивались эффективно, и чтобы они стали **важнейшим фактором процветания и роста могущества России в целом**»*²⁷.

Эта же мысль подчеркнута в декабрьском (2012 г.) послании президента Федеральному собранию РФ: необходимо использовать *«колоссальный потенциал Сибири и Дальнего Востока»* для того, чтобы *«занять достойное место в Азиатско-Тихоокеанском регионе»*²⁸.

Однако в Концепции внешней политики России 2013 г. посыл в отношении восточных районов страны несколько отличается от установок президента. В ней, как и Концепции–2008, сообщается только о том, что Россия заинтересована в использовании возможностей Азиатско-Тихоокеанского региона *«при реализации программ экономического подъема Сибири и Дальнего Востока»*. Обратим внимание, что в обоих случаях речь идет не о «развитии Сибири и Дальнего Востока» как таковом, а лишь о «реализации программ» их «экономического подъема». А программы будут те, которые выполняют общегосударственные задачи. Этот тот самый бес, который в деталях.

Однако и с реализацией этих программ дело обстоит не лучшим образом. Даже запланированные на них средства государство не выделяет: программа социально-экономического развития Дальнего Востока и Забайкалья на 2008–2013 гг. профинансирована менее чем на 30%. Новая программа развития Даль-

---

²⁵ Указ Президента РФ от 07.05.2012 N 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1610881>.

²⁶ URL: <http://xn--d1abbg6aiiy.xn-r1ai/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/16990>

²⁷ Там же.

²⁸ Послание Президента Федеральному Собранию. 12 декабря 2012 г. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/17118>.

него Востока и Забайкалья до 2025 г. формально утверждена правительством, но при этом не согласована с Министерством финансов. Складывается ощущение, что главным для этого правительства было отрапортовать президенту о своевременном выполнении поставленной задачи – составлении программы. О её качестве и исполнимости речь вообще, похоже, не идёт.

А есть ли поворот на восток?

Скептицизм по поводу «нового восточного поворота» Кремля в России достаточно велик. Не меньший – в странах АТР и Северо-Восточной Азии, в том числе со стороны главного стратегического партнёра – Китая. Обращение к историческим прецедентам показывает, что в прошлом эта политика быстро выдыхалась, раз за разом наталкиваясь на непреодолимые для российского центра препятствия: расстояния, климат, европейский менталитет, иную культурно-цивилизационную среду и в конечном счете крайне высокую и неподъемную для России стоимость приобщения к клубу тихоокеанских держав²⁹.

Тем не менее проведение Саммита АТЭС во Владивостоке вопреки всем пессимистическим пророчествам показало, что с Россией не всё так безнадежно. Но только при условии, что есть политическая воля первого лица и его готовность эту волю претворять в жизнь. В остальных случаях инерция мышления и непрофессионализм исполнителей губят все инициативы практически на корню. Двадцатипроцентная эффективность выполнения поручений Госсовета правительством и чиновниками на местах, отмеченная президентом России во время совещания на Сахалине³⁰, – яркое свидетельство качества их работы.

В результате ощущения судьбоносности поворота России на Восток нет, как нет и осознания подлинной значимости этого региона для РФ. Есть много общих слов, за которыми прячутся обыкновение бюрократии идти в русле указаний президента и старание избегать принципиальных решений и конкретных дел.

Очевидна ставка Кремля на экономическое проникновение в регион. Именно на этой стороне отношений делает акцент В. Путин на переговорах с азиатскими партнерами России. Однако единственным локомотивом, способным привезти Россию в экономическое пространство АТР, сегодня остается Китай. Интерес Японии сдерживается сегодня не только осторожностью японского бизнеса, сохранением территориального спора, но и опасением дальнейшего российско-китайского сближения. Даже планируемого роста товарообмена со стратегическими партнерами – Индией (до 20 млрд долл) или Вьетнамом (до 5 млрд долл.)

---

²⁹ Подробнее см.: Ларин В.Л. Внешняя угроза как движущая сила освоения и развития Тихоокеанской России. М.: Московский центр Карнеги, 2013. 25 с.

³⁰ Путин В.В. Выступление на совещании о комплексном социально-экономическом развитии Сахалинской области. 16 июля 2013 г. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/18824>.

к 2015 г.³¹ будет недостаточно, чтобы серьезно повлиять на укрепление России в регионе. При этом двойственное и противоречивое отношение российской властной и политической элиты к Китаю сохраняется.

Вторая «линия российского проникновения» – создание «новой архитектуры безопасности» – сталкивается с настороженным, если не негативным отношением к этому со стороны США и их союзников в Азии, прежде всего Японии и Южной Кореи, усматривающих в этом проекте намерение России и Китая перекроить мир по собственному разумению и в собственных интересах.

Слишком многое – история, культура, экономика, традиции – связывает Россию с Западом, чтобы она могла в одночасье повернуться лицом к Востоку. Реальный поворот будет возможен лишь тогда, когда азиатские владения России станут не менее привлекательными для жизни россиян, чем их европейская прародина. Но сам Восток помогать в этом России не намерен.

---

³¹ В 2012 г. объем торговли России с Индией составил 11 млрд долл., с Вьетнамом – 3,7 млрд долл., с Японией – 31,2 млрд долл. Общий объем товарооборота России со странами АТЭС достиг 200 млрд долл. (24% товарооборота), из которых 44% пришлось на долю Китая (87,5 млрд долл.).